

Александр Михайловский
Юлия Маркова

АЛЫЙ ФЛАГ АКВИЛОНИИ
СПАСИТЕ
НАШИ ДУШИ

Прогрессоры - 7

**Юлия Викторовна Маркова
Александр Борисович Михайловский
Алый флаг Аквилонии.
Спасите наши души
Серия «Прогрессоры», книга 7**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68987350*

Аннотация

Государство Аквилония, созданное из равноправных представителей разных времен и народов, объединившихся для совместного устремления к лучшей жизни и противостояния беспощадному Каменному веку, готовится к новым испытаниям. Принят сигнал, что в акватории Черного моря появилась советская подводная лодка, бесследно пропавшая в ноябре сорок первого года. У ее команды нет шансов самостоятельно преодолеть путь до окрестностей Бордо, где обосновались Прогрессоры, а потому за ней снаряжается спасательная экспедиция на фрегате «Медуза». Но это только начало...

Прочитав эту книгу, вы узнаете, с кем еще суждено встретиться аквилонцам и каким испытаниям намерен подвергнуть их неведомый Посредник.

Содержание

Часть 25	4
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Александр Михайловский, Юлия Маркова Алый флаг Аквилонии. Спасите наши души

Часть 25 Спасите наши души

**31 марта 3-го года Миссии. Воскресенье. Утро.
Большой Дом.**

После прибытия на реку у Большого Дома двух самолетов из самого начала двадцать первого века бытие в Аквилонии, казалось, вошло в обыденную колею. Новички, в тесноте, но не в обиде, постепенно притирались к новым условиям, отходя от шока переноса. Прошлая жизнь закончилась для них безвозвратно, а новая пугала и приводила в оторопь. За пределами маленького цивилизованного поселения простирался чужой, враждебный и равнодушный мир Каменного века – беспощадный к малым, слабым и неумелым, а внутри местного общества царила заведенная Основателями железная дисциплина – куда там интернату даже с самыми строгими порядками. Многие из пассажиров Ту-154

по малолетству (и не только) ночами тайно плакали в подушку, а утром для них начинался новый день, насыщенный физическими упражнениями и учебой.

Инструктором по физподготовке для мальчиков стал Сергей-младший (после его возвращения с Большой охоты), а с девочками спортивными упражнениями занималась леди Лиза. В школе, помимо обычных предметов (физики, математики, биологии, географии, русского языка и литературы), изучали французский язык, латынь, кельтскую и баскскую речь, а также местный кроманьонский диалект. Любому полноправному гражданину Аквилонии следовало быть грамотным, сильным, ловким, готовым к труду и обороне, а также иметь возможность вступить в диалог с любым местным жителем или пришельцем из других времен. Не всем, конечно, удастся достичь идеала, но к этому надо стремиться.

После прилета самолетов вожди разделились. Андрей Викторович ушел на Большую Охоту, а Сергей Петрович, Антон Игоревич и Марина Витальевна остались на изрядно разросшемся хозяйстве. В поход вместе с главным охотником отправились несколько членов экипажей самолетов, часть бывших французских школьников, а также, в качестве загонщиков, два контуберния римских легионеров (под общим командованием декана Луция Сабина), лучше других освоивших русский язык и научившихся ходить на лыжах. Сменив Рим на Аквилонию, эти сельские парни не потеряли почти ничего, но теперь, вместе с верой в Великого Духа,

Творца всего Сущего, были готовы обрести весь этот новый и неизведанный мир.

Там, у себя дома, молодые жители сельских округов, спасаясь от нищеты, продавали помещикам-латифундистам унаследованные ими обремененные долгами родительские фермы и записывались в легионы – чтобы либо сгинуть в боях и походах, либо через двадцать лет в статусе ветерана попробовать начать все сначала где-нибудь на окраине цивилизованных земель. А бесправным арендаторам и издольщикам и продавать-то было нечего. Чуть что не так – и владелец фермы указывает на выход. К середине первого века до нашей эры этот процесс стал приобретать массовый характер. Землевладение в Римской республике неуклонно укрупнялось, а государство обзаводилось дисциплинированной массовой армией, которую требовалось посылать в завоевательные походы, потому что в противном случае эти люди разнесут все вокруг себя вдребезги. Были уже прецеденты в виде гражданских войн, в которых демократы, поддерживающие Мария, насмерть бились с оптиматами Суллы.

Впрочем, совсем не римские легионеры и их лояльность занимали умы вождей – этот вопрос был решен. Сергей Петрович и его соратники ломали головы над тем, кого еще подкинет им загадочный Посредник, и будет этот заброс на пополнение людьми и материальным имуществом или на испытание стойкости, мужества и отваги граждан Аквилонии. После пришествия итальянской субмарины и обнаружения

французского фрегата в порядке сумасшедшей идеи нельзя было исключать даже появления в окрестных водах крупных боевых кораблей разных недружественных держав, а также просто разбойников с большой морской дороги. И самыми опасными могли стать пришельцы из двадцатого и двадцать первого веков, чьи возможности не шли ни в какое сравнение с драккарами викингов, боевыми ладьями саксов, кораблями сарацинских пиратов и фрегатами «одного из Лувев». Например, против нацистского полукрейсера типа «нарвик», способного войти в устье Гаронны, береговая батарея Андрея Викторовича продержится не более получаса, как и против любого американского, британского или французского эсминца двадцатого века.

Но пришельцы из века радио и электричества имеют не только сильные, но и слабые черты. Во-первых, время их активного автономного существования ограничено невозполнимыми запасами имеющегося на борту топлива, а во-вторых, сразу после инцидента, следуя введенным в 1927 года правилам, не достучавшись до своего начальства, они станут взывать о помощи на международной аварийной частоте и называть при этом свою национальную принадлежность, название и порт приписки.

Так что во избежание негативных нюансов Сергей Петрович распорядился демонтировать на Ту-154 коротковолновый передатчик, средне-коротковолновый приемник, а также ультракоротковолновый приемопередатчик, устано-

вив их вместе с сопутствующим оборудованием¹ в той самой радиовыгородке Большого Дома, откуда глава клана Прогресссоров в свое время связывался с приближающимися самолетами. Вот так: не прошло и месяца, а самолет, сыгравший роль крылатой ладьи Харона, уже подвергся самому безжалостному каннибализму.

Выполняла задание верховного шамана и главного вождя команда из бортинженера Ту-154 Андрея Васимова и сопровождавших рейс технических специалистов «Башкирских авиалиний» – авиаинженера Шамиля Рахматуллина и техника по авиационному и радиооборудованию Юрия Пензина. Когда эта работа завершилась, в импровизированной радиорубке организовали круглосуточное посменное дежурство. Международные частоты бедствия следовало слушать через коротковолновый приемник, аварийную авиационную частоту – через самолетную УКВ-АМ радиостанцию, морскую аварийную частоту – через базовую УКВ-ФМ радиостанцию, снятую с «Отважного» по завершении путешествия вокруг Европы. Пока еще ни одного сигнала принято не было, Посредник миловал, но Сергей Петрович и Андрей Викторович подозревали, что это ненадолго.

Прошел февраль; в начале марта с Большой Охоты в полном составе вернулись добытчики, обремененные грузом шкур и наловленным молодняком стадных животных,

¹ Спаянный на коленке стабилизированный блок питания, превращающий 220 вольт 50 герц в 27 вольт постоянного тока.

а вслед за ними к Аквилонии незаметно подкралась весна. Сначала с прояснившегося неба пригрело солнышко, зазвенела капель, затем осели сугробы, и зажурчавшие ручьи сообщили всем желающим их услышать, что жизнь продолжается, и это хорошо. За это время городские жирдяи и пухляшки частично сбросили лишний вес, а их анорексичные приятели и приятельницы нарастили на костях немного мяса, ибо Каменный век не знает такого понятия, как «освобождение от физкультуры». Особенно своими внешними кондициями были уязвлены некоторые особы женского пола, прибывшие на том злосчастном самолете, ведь по сравнению с подтянутыми и гладкими Ланями, полуафриканками и теми же Волчицами, среди которых было немало их ровесниц, они выглядели бледновато. К тому же все были наслышаны о неизбежных совместных летних купаниях в костюмах Адама и Евы, во время которых всем и каждому будут видны как жировые складки, так и выпирающие кости. Так что тщательнее надо относиться к своим физическим кондициям, не хныкать и не отлынивать от физподготовки, чтобы после не ударить лицом в грязь при всем честном народе.

Постепенно излечивались и такие душевные недуги, как тоска по дому, а также (у некоторых) сожаление об утраченном статусе отпрысков высокопоставленных чиновников. Впрочем, умные поняли, что здесь, в быстро развивающемся обществе, они, приближенные к Основателям своим происхождением и уровнем образования, со временем тоже

смогут достичь высокого положения, даже без помощи тянущей наверх волосатой родительской руки. Научный тип мышления можно привить человеку только в самом раннем возрасте, и это дает тем, кто пришел из цивилизованных времен, неоспоримое преимущество в учебе и будущей карьере. Ведь если Всемогущий Посредник в следующий свой заброс зачерпнет народ откуда-нибудь из мутных времен Средневековья, то у вождей просто не будет другого выбора, кроме как набирать руководящие кадры из числа своих соплеменников и современников. Тут и делать-то ничего особенного не надо – главное, не лениться, и при этом не проштрафиться, как некоторые бывшие руководители.

От пережитых унижений страдал один только бывший руководитель – тот самый, которого некогда все звали господином Мергеновым. За вызывающее поведение и отказ подчиняться правилам социалистического общежития его сначала приговорили к изгнанию в лес, а потом помиловали и списали в монахи. Прожив так два месяца, он все еще оставался безымянным «эй ты», ибо ничего не осознал и не раскаялся даже в малой степени, а без этого начала душевного выздоровления отец Бонифаций просто не мог дать ему новое имя. Впрочем, это явление не осталось незамеченным и леди Сагари, которая несколько раз навещала приговоренного преступника. В ней этот человек вызывал такую же глубокую антипатию, как и когда-то Карло Альберто Тепати, о чем она и сообщила вождям. Диагноз «неисправим» требовал отме-

нить помилование и привести в исполнение первоначальный приговор Совета Вождей.

Как именно это произойдет, Сергей Петрович пока не знал, но что дело следует довести до исправления или изгнания, был совершенно уверен, потому что иначе недалеко до беды. Статус монаха существует для искупляющих грехи прошлой жизни, а не для тех, кто затаил в душе зло. Вот настанут теплые деньки – и придет время исполнить предназначенное. Впрочем, Сергей Петрович собирался до самой крайности оттягивать неизбежное, надеясь на благоразумие диссидента: взрослый же человек, далеко не ребенок, а потому должен понимать, что нельзя жить в обществе, и быть при этом свободным от его законов. Но «взрослый человек» понимать ничего не собирался, продолжая упорствовать в своих заблуждениях, чем сам ставил крест на своей дальнейшей судьбе, ведь даже милосердие отца Бонифация имеет свои пределы.

И вот наступил канун весеннего равноденствия, когда следует подводить итоги пережитой зимы и начинать строить планы на лето. По этому случаю в Большом доме на заседание собрался Сенат Аквилонии, за зиму пополнившийся новыми членами. Теперь в нем заседали не только капитано ди фрегато Раймондо Дамиано и старший унтер-офицер Гаврила Пирогов, но и командир Ту-154 Алексей Михайлович Гернгросс, а также бывший флайт-менеджер Башкирских авиалиний Антон Уткин, за время похода в тундро-

степи показавший недурные организаторские способности, явив еще один пример стремительной карьеры для молодежи (своего рода антипод господина Мергенова).

31 марта 3-го года Миссии. Воскресенье. Два часа пополудни. Первый этаж, правая столовая Большого Дома. Совет вождей.

– Итак, товарищи, – открывая заседание, сказал Сергей Петрович, – зиму мы пережили, теперь впереди горячая пора трудовых свершений и, возможно, военных подвигов. Уважаемый Гай Юний, вы хотите что-то сказать?

– О да, – произнес честный центурион, – мы вам не верить, но зима быть страшный. В Риме такой не бывать никогда. Но с ваша помощь мы ее пережить хорошо, и теперь смотреть в будущее с оптимизм. Теперь я хотеть сказать насчет война. Мы к ней готовиться и изучать тактика сражений будущих времен. Мы думать, что для наши парни лучше всего подойти так называемый швейцарский тактика. Одинаково хорошо и против кавалерия, и против пехота, пока враг не начинает делать пиф-паф. Тогда мы отходить назад, и вы начинать стрелять в него из свой ружье и пулемет. А потом мы снова идти вперед и убиваем тот, кто останется.

– Да, – сказал Андрей Викторович, – уважаемый Гай Юний прав. Но чтобы использовать его парней таким образом, у нас не хватает доспехов. Лорика хамата – или, по-нашему, кольчуга – весит десять-двенадцать килограмм,

при этом неплохо защищает от рубящих и режущих ударов, значительно хуже от стрел (особенно если те выпущены из длинного кельтского лука), и плохо противостоит прямым ударам копьем. Основная защита римских легионеров – это щит-скутум, который при переходе к швейцарской тактике придется бросить, ибо для того, чтобы действовать длинным копьем или алебардой, необходимы обе руки. Поэтому в дополнение к кольчуге бойцам в первых двух линиях понадобится цельнокованый или пластинчатый нагрудник, наплечники и такие же наручи на обе руки. Кроме того, римские шлемы-галеи² неплохо защищают бойца от ударов сверху и сбоку, но совершенно бесполезны, если противник тычет ему острой сталью прямо в лицо, а тот не может поднять щит, чтобы защититься от удара. Поэтому двум первым линиям необходимы шлемы с опускающимися забралами. Если мы ждем сюда незваных гостей из высокого средневековья, то все это следует изготовить как можно скорее, но у нашего единственного кузнеца вместе с подмастерьем, даже если они забросят все другие дела, на такую работу уйдет несколько лет.

Антон Игоревич немного искоса посмотрел на главного охотника и военного вождя, и ворчливо сказал:

– Андрей, а зачем вам с господином Гаем Юнием нуж-

²Эти шлемы были позаимствованы римлянами у галлов, которые задолго до завоевательного похода Цезаря совершали грабительские набеги на римские владения.

ны стальные нагрудники и наручи, когда у нас тут прямо под боком лежит тонн десять дюралюминия в виде трехмиллиметрового листа, и еще столько же – в виде конструктивных элементов, которые можно переплавить? По прочностным характеристикам этот материал представляет собой что-то среднее между низко- и среднеуглеродистыми сталями, но зато в три раза легче их, не подвержен коррозии, и при этом поддается обработке штамповкой на гидравлическом прессе. Вопрос только в изготовлении печи для отпуски листа, самого пресса и соответствующих пуансонов и матриц³ для изготавливаемых изделий.

– Ну вот, – со вздохом вымолвил Алексей Михайлович Гернгросс, – я так и знал. Впрочем, с самого начала было понятно, что отсюда наша «тушка» уже никуда не полетит, так что уж давайте, режьте нашу птичку на части, если это пойдет всем пользу.

– Ну хорошо, Антон, – сказал Сергей Петрович, – если хозяин самолета дал добро, то, значит, так тому и быть. Но скажи, из чего ты собрался сделать ручной пресс, ведь нарезка винта в наших первобытных условиях – это та еще задача...

– А я, Сергей, и не собираюсь делать ручной пресс, – ответил главный геолог. – Зачем мне такая заморочка, если в нашем распоряжении имеется самолет, из гидравлической системы которого можно соорудить не один такой пресс. А еще у нас есть целое техническое подразделение: лейте-

³ Матрица – неподвижная часть пресс-формы, а пуансон – подвижная.

нант Гвидо Белло со своими людьми, подпоручик, точнее, железнодорожный техник Котов, а также французские инженеры Жорж Броссар и Паскаль Камбер, которые помогут мне в этой работе. Прошли те времена, когда нам все приходилось делать самим из подручных материалов – теперь для инженерных работ у нас есть целая команда, а к ней – целая куча инструментов, материалов и оборудования. Главный вопрос, как я уже говорил, это изготовление пуансонов и матриц, а не самого пресса.

– Ну вот, – потер руки Гвидо Белло, – не пройти и полгода, и у нас уже есть работа по специальности. А я думал, нам теперь до конца жизни таскать круглое и катать квадратное. Придется повозиться, но я думаю, что мы справимся. Штамповка – это гораздо быстрее, чем если бы уважаемый Онгхус-кузнец делал эти доспехи своим молотом. На счет подъемного забрала на шлем еще надо подумать, потому что это сложная форма, но все остальное можно изготовить на раз-два.

– Меня радует ваш оптимизм, товарищи инженеры, – хмыкнул верховный шаман, – но разборка самолета на запчасти и изготовление пресса, не говоря уже об изготовлении дополнительных доспехов, все равно потребуют от нас немало времени. До этого момента, если случится какое-нибудь нашествие, даже если противник будет вооружен только холодным оружием, отбиваться от него нам придется исключительно при помощи пулеметов и американских винтовок,

ибо иное будет грозить нашим римским товарищам неоправданными потерями.

– Согласен, – сказал Андрей Викторович. – Патронов на пароходе много, так что не обеднеем. И вообще... Вполне возможно, что нам не придется иметь дело со швейцарцами или с аналогично вооруженными и организованными германскими ландскнехтами, и пехоту противника будет составлять обычный для раннего средневековья легковооруженный сброд. В таком случае в первую линию надо ставить классически вооруженных легионеров-щитносцев, и ими же прикрываться с флангов, а уже за ними в четыре-пять рядов выстраивать копейщиков, которые смогут отразить атаку вражеской кавалерии, бывшей в те времена главной ударной силой войска...

– Погодите, мальчики... – строго сдвинула брови Марина Витальевна, – мне кажется, что здесь, на совете вождей, мы говорим совсем не о том, о чем следует. Планы будущей битвы, которая, возможно, никогда и не состоится, вы можете как-нибудь отдельно обсудить между собой в узком мужском кругу. Не исключено, что в тот роковой день мы увидим толпу спасающихся от резни крестьян и городских ремесленников, преследуемых по пятам конными победителями, разгоряченными множеством убийств, и тогда вам будет уже не до составления планов, выбора оружия и построений в правильные боевые порядки. Если вы поняли, о чем я говорю, то хорошенько подумайте об этом...

– Да, Витальевна, – кивнул Андрей Викторович, – мы тебя поняли, не такие уж мы тупые. Ты уж прости нас, заскорузных сапогов, за привычку готовиться к прошлой войне. Уж такими нас создал сам Великий Дух. А теперь скажи, что именно, по твоему мнению, мы должны обсуждать на Совете Вождей.

– Ну как вы не понимаете... – вздохнула та, – мы должны обсуждать наше развитие! У нас только один кузнец с подмастерьем, и это плохо; нам нужно расширять производство продовольствия, ведь сейчас у нас меньше тысячи едоков, а к зиме их может оказаться в несколько раз больше. Помимо русского и латинского кварталов, которые уже запланированы к постройке, нам нужен маневренный жилой фонд казарменного типа, куда можно будет временно поселять разных бедолаг, внезапно свалившихся нам на голову. Я лично больше всего боюсь, что однажды придет по-настоящему крупное пополнение в пару тысяч человек, а у нас ничего не готово, и изменить что-то уже невозможно, поскольку на дворе осень, а у нас нет для них ни еды, ни жилья.

– Да, Витальевна, ты права, – сказал Сергей Петрович. – Такое вполне вероятно, причем даже без всяких забросов из других времен. За лето наши ножики разойдутся по ближней и дальней округе, а уже осенью нам потащат вдов и сирот не только из долин Гаронны и Дордони, но и из отдаленных краев Европы. И возможность забросов тоже нельзя сбрасывать со счетов. Прилететь от Посредника может такое, что

потом и на голову не налезет. Не надорваться бы нам, переоценив свои возможности к бесконечному расширению... Я имею в виду не только возможность расселить и прокормить кандидатов в новые сограждане, но и способность интегрировать их в наше общество, чтобы мы задали им свои жизненные стандарты, а не наоборот.

– Отец Бонифаций, а вы что скажете? – спросила Марина Витальевна. – Ведь интеграция – это как раз по вашей части, тем более что новоприбывшие, скорее всего, будут считать себя христианами, а не какими-нибудь язычниками.

– Я могу сказать только одно, – ответил тот, – вам еще нужны люди, которые будут такие же, как вы, чтобы их не надо было перевоспитывать, а было достаточно сплотить и повести за собой. Я имею в виду ваших соотечественников, представляющих собой определенный феномен среди других народов. Никто другой не стал бы делать того, что сделать вы, и не смог бы добиться такой результат. Я молиться Бог-Отец, чтобы он прислать нам еще русских, который не называть себя христианин, как сержант⁴ Седов, но на самом деле им быть. А тот, кто христианин себя называть, но им не являться, есть лицемер и фарисей, тот нам не надо. Быть может, когда-нибудь потом, но только не сейчас.

– Я думаю, – сказала Ляля, до того молча сидевшая ря-

⁴ В средние века словом «сержант» обозначался вооруженный слуга, пользующийся доверием своего господина и выполняющий его поручения; в более широком смысле «сержант» – это хорошо обученный профессиональный солдат, часто наемник, по боевой ценности равный «половине рыцаря».

дом с супругом, – что представители любого народа способны только на те поступки, которые заложены в их культурном коде, что называется, впитанном с молоком матери. Исключения очень редки, и только подтверждают правила. Всего есть три способа взаимодействия между разнородными группами людей: интеграция, колонизация и элиминация, сиречь геноцид. Мы русские, изначально образовавшиеся из восточнославянских племен со значительными примесями народов другого происхождения, лучше всего умеем производить интеграцию разноплеменных компонентов, при которой все части образовавшегося сложносоставного этноса равны между собой, и главная нация тоже. Ни колонизацию, ни элиминацию мы не приемлем. Еще такой же способностью обладают китайцы, только они стремятся превратить иноплеменное население своего государства в точную копию себя, а нам такого не надо. В Европе так не умеют. Интеграция там может идти только до границ языковой общности, а дальше начинаются проблемы. Немцы не способны интегрировать в свое государство французов, и наоборот, баски чувствуют себя чужими в Испании, а ирландцы – в Великобритании. Выходя за национальные границы, европейские государства начинают заниматься колонизацией, а иногда и элиминацией. И необязательно эти колонии размещаются на других континентах: в Африке, Азии и Южной Америке. Ирландия была колонией Британии, а Нидерланды – Испании. Европейцы угнетали своих бледнолицых

братьев с тем же удовольствием, что и негритянское, азиатское и индейское население заморских территорий. Те же испанцы начисто истребили и изгнали со своей территории чужеродное мавританское население, а выселившиеся за океан англосаксы совершили геноцид североамериканских индейцев. На территории самих Британских островов имели место три последовательных волны колонизации: римская, англо-саксонская и нормандская, и только потом наступила частичная интеграция, вызванная тем, что королям из династии Плантагенетов для ведения войны во Франции понадобилось на вербованное из коренного населения массовое пушечное мясо. Именно поэтому никому другому, кроме нас, не придет в голову идея создать здесь, в Каменном веке, новую единую человеческую общность, состоящую из представителей самых разных народов и племен.

Отец Бонифаций встал и воздел вверх руки.

– Леди Ляля сказал слова, вдохновенный сам Творец! – торжественно произнес он. – Они прояснил для меня суть Божий Замысел. Ученик Христа апостол Павел тоже говорил, что нет ни эллина, ни иудея, но его не захотели услышать, потому что люди думал о господстве над другим людей, а не стать друг другу братья. Только русский мог сказать женщина Лань и полуафриканка, что я есть твой учитель, а не господин, после чего строить новый народ, где есть идущий впереди, но нет последних.

– Как глава клана Рохан, я подтверждаю слова моей на-

реченной сестра, – сказала леди Гвендаллион. – С первого же дня здесь мы чувствовал себя часть большая фамилия, а не бесправный чужеземец. Думаю, что другой думать точно так же.

– Да, – подтвердила леди Сагари, – и думать, и говорить. Я просил Йайн Гойкоа, по-вашему, Творец весь сущий мир, чтобы у нас был больше таких людей, как господин Петрович и его товарищ. Без них мы будем бесконечно блуждать в Мрак, и только они вести нас к Свету.

– Аминь! – подвел итог отец Бонифаций. – Эти слова леди Сагари нужно писать на наших знаменах. В Мраке как лев рыкающий таится Сатана, а Свет – это и есть Бог-Отец, который любит нас как своих детей.

– На этой оптимистической ноте предлагаю завершить наш Совет вождей, – сказал верховный вождь. – И без особых обсуждений понятно, что нам в очередной раз нужно напрячь силы. У нас должно стать больше распаханых полей, чем в прошлом году, и больше строительства, а военные должны быть готовы отразить любую угрозу. При этом надо понимать, что если Аквилония пополнится нашими соотечественниками, это будет хорошо, а если нет, то нам придется справляться со своими проблемами самостоятельно, ибо Господь не совершает чудес по требованию. То, что случилось два месяца назад, и так было для нас великим чудом, которого мы никак не ждали. Просить у Высших Сил большего было бы, по моему мнению, перебором.

– Я уже говорил вам, Сергей Петрович, что Господь вас любит, – хмыкнул старший унтер Пирогов. – Так что верьте в Него – и тогда случится Предначертанное. А мы со своей стороны приложим все возможные силы для того, чтобы вас не подвести. Потому что когда вы с нами по-людски, то и мы к вам от всей души. А если сюда придет кто недобрый, то мы все как один тряхнем стариной, возьмем винтовки и пойдем воевать. Чай, враг будет не страшнее, чем германец в окопах. Вы уж простите, если что не так. Я человек простой, сказал как мог.

– На простых людях, Гавриил Никодимович, земля держится, – ответил тот, – за что вам великое спасибо. А сейчас пора заканчивать наши разговоры и начинать готовиться к празднику. Встреча весны – это тоже важный момент в нашей жизни – как в плане подготовки к полевым работам, так и вообще.

3 ноября 1941 года. 18:55 мск. Западная часть Черного моря, 32 мили (60 км) восточнее Констанцы, советская подводная лодка М-34.

Начало ноября сорок первого года было для Советского Союза тяжелым. Враг штурмовал твердыню Заполярья Мурманск, захватил Петрозаводск, взял в блокаду Ленинград и выбил советские войска из Великого Новгорода. В центре пали Старая Русса, Калинин, Клин, Брянск, Орел, отчаянными усилиями держалась Тула, и вражеские полчища подсту-

пили к самой Москве. На юге немцы заняли Курск, Белгород, Харьков, Сталино (Донецк), в Крыму советские войска удерживали только обложенный со всех сторон Севастополь и с большими потерями смогли отбить недавно захваченный Ростов-на-Дону. Шел сто тридцать пятый день войны, Красная Армия собирала силы для контрнаступления под Москвой, но далеко не каждому советскому бойцу и командиру было суждено не только дожить до первой победы, но и пережить хотя бы текущий день.

Но тяжело в это время было не только Красной Армии. Вермахт тоже дотла подъел свои ресурсы и запасы мирного времени. В Ставке Гитлера рассчитывали завоевать Советский Союз за два, максимум за три месяца, но война продолжалась уже в два раза дольше, и ей пока не было видно ни конца, ни края. Русские дрались яростно, и у самых стен своей столицы им удалось почти подчистую сточить три из четырех ударных подвижных группировок. К тому же к началу ноября на германских складах иссякли запасы запчастей и необходимых для восстановления техники агрегатов, и, самое главное, закончились накопленные перед войной и захваченные у противника при наступлении запасы топлива, которым теперь вермахт и люфтваффе снабжались с колес. Нефтеперегонные заводы Румынии обеспечивали Третьему Рейху львиную долю поставок натурального горючего, а строительство на территории самой Германии комбинатов по производству синтетического бензина только на-

чиналось. При этом Констанца являлась главным отгрузочным терминалом, откуда румынское горючее отправлялось в оккупированные советские порты и далее – сражающейся с Советами германской армии.

Именно поэтому в этот хмурый и ветреный день подводная лодка Краснознаменного Черноморского флота М-34 (тип «Малютка») находилась на боевой позиции на траверзе этого румынского порта. Попадись ей в прицел танкер, груженный авиационным бензином – и немецкое командование испытает серьезную боль. Правда, и немцы с румынами тоже не были дураками, и охраняли свой основной источник горючего будто курицу, несущую золотые яйца. От атак с воздуха Констанцу оберегали зенитные батареи и истребительная авиация, а ближайшие подступы к порту были тщательно заминированы. Ставить мины на значительном удалении от берега, где невозможна точная навигация при помощи береговых маяков, было бы небезопасно уже для румынских и немецких кораблей. Там борьбу с советскими подводными лодками осуществляли румынские эсминцы (пять единиц разных типов, все итальянской постройки времен ПМВ), немецкие и итальянские катера-охотники, а также патрулирующие акваторию самолеты береговой противолодочной авиации и береговая служба радиоразведки, пеленгующая советские субмарины, когда те выходили на связь со своей базой. Научно обоснованный метод продления жизни для подводника – как можно реже выходить на связь и ни-

когда не делать этого из окрестностей вражеской базы.

Впрочем, в самом начале войны боевого опыта у советских подводников было еще маловато, а потому они иногда ненароком нарушали правила «техники безопасности», в результате чего субмарины гибли вместе с командами. Вот и М-34 с наступлением заката, когда настырные противолодочные самолеты уже убрались на свои аэродромы, всплыла в позиционное положение (когда над водой видна только рубка), чтобы проветрить отсеки, работой дизелей подзарядить аккумуляторы и заодно выйти на связь с базой (Севастополем). Работа передатчика была тут же запеленгована на берегу, после чего дежуривший на внешнем рейде эсминец «Марешти» получил указание на квадрат, где следовало искать злокозненную советскую подводную лодку. Стремясь поскорее отчитаться об успехе, командир эсминца приказал развить полный ход – и старенький корабль помчался в указанный квадрат как голый в баню, светя в ночи факелами недогоревшего мазута из трех своих труб и оглушая собственных акустиков грохотом механизмов и шумом винтов, похожим на визг тарелок, по которым трут сухой тряпкой.

Услышали этого слона, ломящегося через посудную лавку, и на М-34. Акустик подлодки старшина второй статьи Афанасий Тимченко сообщил командиру, капитан-лейтенанту Голованову:

– Слышу шум винтов эсминца, пеленг двести пятьдесят, направление прямо на нас, быстро приближается.

Следует команда на экстренное погружение – и вот уже по трапу в центральный пост ссыпаются впередсмотрящие, и только после них спускается капитан-лейтенант Голованов – по морской традиции, он уходит вниз последним и собственноручно задраивает за собой главный люк. Дизеля заглушены, рули глубины поставлены на погружение, балласт заполняет систерны – и вот уже лодка на электромоторе уходит на глубину, опустив нос, почти как пикирующий истребитель. Стрелка глубинометра показывает: пять метров, десять, пятнадцать, двадцать, двадцать пять, тридцать, тридцать пять, сорок... И в этот момент над тем местом, где только что была советская субмарина, с грохотом товарного поезда проносится сбрасывающий скорость румынский эсминец. Он еще оглушен шумом собственных винтов, но это ненадолго: сейчас скорость упадет с тридцати узлов до пятнадцати-двенадцати, акустики натянут наушники и начнут слушать море, чтобы попробовать определить, где притаилась русская подводная лодка.

Предельная глубина погружения для «Малюток» – шестьдесят метров, здесь же глубина – примерно пятьдесят пять. Команда лечь на грунт и соблюдать тишину – тогда, может, пронесет. Лодка продолжала погружаться...

И вот на глубине сорок пять метров с хвостиком случается экстраординарное.

Там, наверху, на румынском эсминце, успели увидеть вспышку открывшегося межмирового перехода – как будто

там, на глубине пятидесяти метров, разом полыхнул центнер магния. Зрелище было более чем впечатляющим. Можно было бы подумать, что русская субмарина подорвалась на собственных торпедах, но акустики эсминца не докладывали командиру о грохоте взрыва и звуках разрушающегося на глубине корпуса, а на поверхность не всплывали пузыри воздуха вперемешку с разным мусором, валяющимся обычно под ногами даже у самых чистоплотных подводников. Тишина... просто вспышка – и все. К тому же после этой вспышки акустики сообщили, что больше ничего не слышат. Совсем ничего.

31 марта 3-го года Миссии. Воскресенье. Четыре часа пополудни. Западная часть Черного моря, советская подводная лодка М-34.

Все произошло очень быстро. Межмировой переход открылся прямо перед носом субмарины, и избыточное давление воды в две атмосферы (разница уровней воды в двадцатом веке и мире Прогрессоров – около двадцати пяти метров) буквально втолкнула ее на ту сторону. Потом переход закрылся, и на глубине в мире Великой Отечественной Войны не осталось больше никого и ничего.

Команда М-34 ощутила сильный толчок, стрелка глубиномера скакнула с сорока пяти метров на двадцать; лодка продолжила погружение, и спустя небольшое время, пока никто еще не успел прийти в себя, мягко легла на илистое дно.

– Глубина тридцать метров, товарищ командир, – обескураженно заявил старший помощник лейтенант Чечкин. – Мы на грунте... Наверное, врет глубиномер.

Капитан-лейтенант Голованов повернулся к акустику и спросил:

– Что там у тебя, Афанасий?

– Тишина, тащ командир, – ответил тот, стягивая с головы наушники. – Только шумы моря, и больше ничего. Румынский эсминец будто черти побрали... Вот, послушайте сами.

Приложив к уху один наушник, командир убедился, что так и есть: охотившийся на них румынский эсминец или и в самом деле делся неизвестно куда, или... затаился, ожидая момента, когда доверчивая субмарина пойдет на всплытие. А потому следовало сохранять тишину в отсеках и ждать, когда враг сам обнаружит свое присутствие.

1 апреля 3-го года Миссии. Понедельник. Утро. Западная часть Черного моря, советская подводная лодка М-34.

Вот так, напряженно вслушиваясь в окружающее море, М-34 пролежала на дне еще несколько часов, но ничего не дождалась, за исключением того, что в отсеках стало тяжело дышать. Заканчивался запас кислорода, а вместе с ним должна была закончиться и жизнь команды.

– Всплываем, – наконец решил капитан-лейтенант Голованов, – задохнуться здесь, на глубине, будет просто глупо.

Лодка всплывала медленно, будто кралась; стрелка глубиномера крутилась в обратную сторону, старшина второй статьи Тимченко молча слушал звуки глубин, но ничего не мог доложить командиру. И вот субмарина на перископной глубине. Последняя проверка: капитан-лейтенант Голованов лично осматривает горизонт, в восточной части которого занимается багровый, будто зарево пожара, рассвет, но не видит никаких признаков опасности. Молчит и акустик Тимченко.

И вот наконец субмарина на поверхности, командир отдраивает люк, и в центральный пост врывается струя свежего воздуха. И первое, что понимают подводники: это не морской воздух. В нем нет специфических запахов соли и йода. Пахнет, как на крупном озере: пресной водой, и едва ощутимо – гниющими водорослями. Поднявшись наверх, матросы-краснофлотцы бросают за борт брезентовое ведро на веревке, вытаскивают, осторожно пробуют – вода пресная, без всякого привкуса соли. Вслед за героями, ради блага товарищей добровольно взявшими на себя роль подопытных кроликов, забортную воду пробуют командир, комиссар, старший помощник и прочие члены команды. Пресная, и все тут.

Тем временем стремительно светает, и невооруженным глазом становится видно, что вокруг урчащей дизелем субмарины не только море пустынно, но и поросший хвойным лесом берег совершенно безлюден. И никаких признаков

не то что города, но и даже мелких поселений. Ни огонька, ни дыма от костра – ничего, что может указывать на присутствие человека. Вид как на каком-нибудь Селигере. В цивилизованные времена лесные массивы на побережье Румынии – это такое же естественное явление, как и кукарекающий на колхозной ярмарке козел. В сочетании с пресной забортной водой и резко уменьшившейся глубиной такое явление способно заставить закипеть неокрепшие мозги.

– Да что же это делается, товарищи командиры, и куда мы попали? – вопрошает краснофлотец Александр Тулаев, двадцать первого года рождения, член ВЛКСМ, русский, уроженец города Астрахань. Он недоуменно моргает, и видно, что он обескуражен, хоть и пытается не особо это показывать.

Полковой комиссар Алексей Якимчук хотел было сказать что-нибудь про непознанные явления природы, но промолчал и только махнул рукой. И так ведь все понятно, и вообще риторические вопросы не требуют, чтобы на них отвечали – хоть дежурно, хоть по существу.

Попытка связаться со штабом второй бригады подводных лодок Черноморского флота (к коей и принадлежала злощастная М-34) принесла еще один неожиданный результат. Девственно чистым оказалось не только внезапно опресневшее море, но и радиоэфир. Радист, старшина второй статьи Александр Попонин доложил, что, за исключением отдаленных грозových разрядов, не слышит в эфире ничего. Ни писка морзянки, ни передач голосом, ни советских германских,

британских и прочих радиостанций, рассказывающих населению о положении на фронтах. Еще одна странность, впрочем, ничего не прояснившая в положении М-34.

Радиограмма, отправленная в штаб, ожидаемо осталась без ответа, напрасно старшина второй статьи Попонин вслушивался в пустой эфир. Устав ждать советов от старших товарищей, капитан-лейтенант Голованов собрал в Центральном Посту совещание командного состава, на котором, помимо него самого, присутствовали комиссар Якимчук, помощник командира лейтенант Александр Чечкин, командир БЧ-5 (главный механик) воентехник первого ранга (старший лейтенант) Андрей Наумов, а также боцман – главный старшина Федор Карелин, представлявший прочих членов команды.

Началось совещание, как водится, с исторической фразы. – Итак, товарищи, мы попали в переплет, – сказал командир М-34. – Вода вокруг пресная, местность неизвестная, противник не обнаружен, связаться со штабом не удалось, а эфир пустой, как будто радио вообще еще не придумали. У кого по этому поводу будут соображения?

Он обвел собравшихся взглядом, слабо надеясь на вразумительное объяснение. Ответом ему некоторое время была тишина, ибо дельных соображений ни у кого не имелось. Все были в замешательстве и молчали, ошеломленные случившимся. Все загадочное и необъяснимое всегда угнетает – и в их душах невольно зарождался мистический трепет. В то же

время разум их лихорадочно метался, пытаюсь отыскать хоть какой-то ответ.

Потом, слегка прокашлявшись, заговорил комиссар.

– Я не знаю, что произошло и где мы так внезапно оказались, черт побери... Но мы можем попытаться вернуться в Севастополь, – рассудительно сказал он, стараясь, чтобы голос его звучал твердо: нужно было показать, что он сохраняет полное присутствие духа. – Однако что-то мне подсказывает, что и там мы увидим то же, что и здесь – то есть голый берег, и никакой базы...

Несколько мгновений стояла давящая тишина, во время которой люди лишь встревоженно переглядывались между собой.

– Что ж, запаса топлива у нас хватит на тысячу миль хода плюс-минус локоть, – сказал наконец воентехник Андрей Наумов нарочито бодрым голосом. – А потом все... сушите тапки и гребите веслами. Ходить по Черному морю туда-сюда только для удовлетворения любопытства я считаю ненужной расточительностью.

– Это было бы верно, товарищ Наумов, в том случае, если бы мы знали, куда нам идти стоит, – хмыкнул комиссар. – Вот в чем наш главный вопрос, а вовсе не в экономии топлива. Экономнее всего было бы причалить к берегу в какой-нибудь укромной бухточке и ждать... Вот только не знаю чего.

– Продовольствия на борту от силы на неделю, – проворчал боцман, покачав головой, – а потом придется глодать

ремни, так что ждать тоже не годится. Эх, ну надо же! Вот так занесла нелегкая...

– Судя по дикому виду местности на берегу, продовольствия в тамошних лесах и окружающих нас водах более чем достаточно, необходимо только его поймать, – горячо сказал лейтенант Чечкин. – И вообще, товарищи, то, что с нами произошло, смахивает на чистейшую марктвенцовщину! Ну, помните, «Янки при дворе короля Артура»⁵?

– Да, помним, – с серьезным видом кивнул капитан-лейтенант Голованов, – и ситуация у нас в значительной мере схожая. Уходя от атаки румынского эсминца, мы попали куда-то туда, где не только нет войны, но даже еще не изобретено радио. И местность нас вокруг какая-то первобытная... И этот пресный водоем вместо Черного моря тоже наводит на интересные мысли...

– Погодите, товарищ Голованов... – возразил комиссар. – Нам надо помнить, что мы – советские люди, и не имеем права идти в услужение ни к какому королю Артуру!

– Экий вы прямолинейный, товарищ Якимчук... – вздохнул командир, глядя на того с какой-то снисходительно-насмешливой жалостью. – Я говорил только об общем сходстве ситуаций, которое подметил товарищ Чечкин, а вовсе не о том, чтобы идти к кому-нибудь в услужение. Нам бы в ситу-

⁵ К 1941 году этот роман три раза переводился на русский язык и издавался: в 1896 году (1 издание), в 1911 году (2 издания), и уже в новой орфографии в 1928 году (1 издание). Вполне достаточно, чтобы молодой человек 1919 года рождения мог прочесть его еще в свои школьные годы.

ации сперва разобраться, и только потом можно будет хоть как-то планировать политику. Я имею в виду, что, если сюда таким образом попали мы, то значит, у нас могут быть и товарищи по несчастью, так же не имеющие возможности вернуться обратно. Нашу волну связи со штабом бригады этот кто-то не слушает, ибо ему незачем, а вот за волнами, на которых подаются международные сигналы бедствия, он следит наверняка.

– А если этот кто-то вдруг окажется немецко-фашистскими захватчиками? – спросил комиссар Якимчук. – И что мы будем делать тогда?

– А мы не будем раскрывать этому кому-то своего положения, по крайней мере, пока не убедимся, что это дружественная нам сторона, – ответил капитан-лейтенант Голованов. – Черное море – это чертовски большая акватория. Впрочем, мы можем не получить никакого ответа и после подачи сигнала на частотах бедствия – и вот тогда нам придется принимать решение о дальнейших действиях самостоятельно, без всяких советов со стороны...

– Тогда я даю на это свое согласие, – немного помявшись, сказал комиссар, – а то и в самом деле ситуация такая, что становится как-то не по себе...

Капитан-лейтенант Голованов немного помедлил, а потом сказал:

– На попытку связаться хоть с кем-нибудь на международных частотах бедствия даю трое суток. На это время нужно

найти на берегу какую-нибудь бухточку или устье реки, где можно бросить якорь, сойти на берег и осмотреться на местности. Кроме того, стоило бы попробовать добыть немного свежего продовольствия, чтобы товарищ Карелин не так сильно переживал о наших запасах. На этом все, товарищи. По местам!

1 апреля 3-го года Миссии. Понедельник. Около девяти часов утра. Окрестности Большого Дома, площадка для праздников у заводи реки Ближней.

За год, прошедший с предыдущего праздника весны, бывшее цивилизованное племя Огня, теперь превратившееся в Аквилонию, увеличилось в численности почти втрое и достигло полутора тысяч человек. Это уже не толпа, как было летом, а целое столпотворение. Повзрослевшие французские школьники, русские школьники, Лани, полуафриканки, Волчицы, неандерталки, кельты-думнонии, васаты-аквитаны, итальянские подводники, бывшие римские legionеры, русские солдаты экспедиционного корпуса во Франции и, конечно, прогрессоры-основатели – все они составляли собой постепенно уплотняющуюся общность людей-аквилонцев, будущим поколениям которой предстояло унаследовать этот мир. Собрать их всех на площадке перед Большим Домом было бы немислимо, поэтому празднование проводилось на площадке у заводи реки Ближней, как и все прочие – летние, осенние и зимние – праздники.

Проблему обширных луж, покрывающих это место с началом весны, решили заблаговременной очисткой территории от снега и продалбливанием в мерзлом грунте дренажных канав. Заранее подновили и очаги, вставив в них взятые в трофеи бронзовые римские котлы. Изначально три когорты под командованием военного трибуна Секста Лукреция Карра имели штатную численность в полторы тысячи бойцов, и, даже неся потери, продолжали возить с собой все положенное для такого количества солдат имущество, ибо выражение «материальная ответственность» тоже придумали в Древнем Риме. После кровопролитной битвы при Сабисе в строю осталась только тысяча легионеров, а бой у ручья Дальний в считанные минуты еще уменьшил их численность вдвое. Захватив римский лагерь, вожди племени Огня приватизировали оттуда все, за исключением вырубленных в соседнем лесу кольев. Имущество, необходимое для обеспечения быта и несения службы пятисот человек, потом выдали легионерам обратно, остальное же убрали на склад. И теперь оно пригодилось.

При подготовке площадки для праздника, где главную движущую силу представляли как раз легионеры, старший центурион Гай Юний сказал, что для форума эта площадка у заводи Ближней очень неудобно: далеко как от административного центра, так и от будущих жилых кварталов. На это шаман Петрович ответил, что новый Форум запланирован как раз по другую сторону Дальнего, там, где сейчас

стоит нынешняя римская казарма, которую после постройки постоянного жилья предстоит разобрать, ибо строение, возведенное с применением сырого дерева, изначально планировалось как временное, на одну зиму. С другой стороны, в летнее время эта заводь с пляжем незаменима для совместного купания. Устье Дальнего слишком узкое и с топкими берегами. К тому же план развития поселения предусматривал, что в ближайшее время этот ручей, взятый под кирпичные своды, превратится в сточную канаву-клоаку. И вообще, не исключалось, что через пару лет на другой конец поселения придется переносить промзону, а тут в будущем будет парк для общего отдыха – уж больно место для этого удобное.

Впрочем, несмотря на похрустывающий кое-где под ногами ледок от подмерзших за ночь лужиц, праздник удался, что называется, на все сто. Кухонный наряд, назначенный готовить праздничное угощение, выступил еще затемно, при свете звезд. И вот запыхали заранее сложенные под очагами сухие дрова, и женщины и девушки приступили к кулинарному священнодействию. Жаровни с засыпанным в них древесным углем ждали своего часа, ибо раздуть их следовало уже во время самого праздника.

И вот перед самым восходом солнца, когда все уже были в сборе, а набухшая на востоке багровая заря уже готова была прорваться первым солнечным лучом, Верховный шаман воздел к небу руки и воззвал:

– Солнце, народ Аквилонии зовет тебя! Лучезарное светило, по воле Великого Духа приди и озари нашу землю! Даруй нам свет и тепло, благослови наши труды! Одари нас обильными плодами земли, здоровым приплодом животных, и потомством – наших женщин!

Люди, захваченные этим действием, повторяли за Главным учителем его слова и жесты. И когда краешек солнечного диска показался над гребнем холмов по ту сторону Гаронны, народ дружно разразился радостными криками. Женщины поднимали навстречу солнцу новорожденных младенцев и детей постарше. Солнце пришло – а значит, все будет хорошо.

Когда всеобщее возбуждение немного утихло, место шамана занял примас Аквилонии падре Бонифаций. Он сказал, что Солнце нужно чтить и уважать, ибо Великий Дух создал его прежде других сущих вещей, чтобы оно служило всем прочим его созданиям в качестве источника тепла и света. Так уж заведено Творцом, что есть время для холода и время для тепла, время для сева и время для жатвы, время познавать истины и время претворять в жизнь задуманное. Сейчас время веселья – радуйтесь, люди!

Сергей-младший запустил свой музыкальный центр, и началась дискотека. Люди танцевали, причем каждый свое, ели и снова танцевали. Они радовались тому, что солнце с небес каждый день свети все жарче, что тают снега, пробуждается земля. Русские школьники с самолета, впервые попав-

шие на подобное мероприятие, сначала немного дичились, но потом общее веселье захватило и их. Жизнь продолжается, и все будет хорошо, как пел из динамиков певец Митя Фомин⁶.

И вот в самый разгар веселья в кармане у верховного шамана неожиданно запищала портативная рация. Это был Алексей Михайлович Гернгросс – сам вызвался подежурить у рации, пока молодежь веселится.

– Я извиняюсь, что отвлекаю вас от праздничных забот, но, кажется, у нас есть улов, – сказал бывший командир Ту-154. – Передача в телеграфном режиме на волне две тысячи сто восемьдесят два килогерца. Сигнал слабый, но, по причине отсутствия в эфире других станций, вполне разборчивый. Советская подводная лодка типа «Малютка» из акватории Черного моря вызывает на контакт возможных товарищей по несчастью.

– Спасибо, Алексей Михайлович, – ответил Сергей Петрович, мысленно потирая руки, – обрадовали так обрадовали. Пока ничего не отвечайте, скоро мы у вас будем.

– А я и не смогу ответить, даже если захочу, – коротко засмеялся старый пилот, – навык работы на ключе, знаете ли, начисто утерян. Последний раз я занимался этим еще лет тридцать назад, в училище, на занятиях по радиоделу.

⁶ Песня «Все будет хорошо ла-ла-ла» дебютировала в июне 210 года, за пять месяцев до ухода Прогрессоров в рейд, и наибольшую популярность набрала именно в Питерском радиочарте. Естественно, Сергей-младший прихватил ее с собой в Каменный век вместе с прочей фонотекой.

– Думаю, что у нас в команде есть человек, для которого еще совсем недавно работа на ключе была главным занятием в жизни, – хмыкнул шаман Петрович. – А сейчас – конец связи. Скоро увидимся.

Убрав рацию в карман, председатель совета вождей Аквилонии первым делом оповестил о поступившей новости своих товарищей-прогрессоров: Андрея Викторовича, Антона Игоревича, Марину Витальевну, и заодно доктора Блохина и сержанта Седова, а также отца Бонифация. Расширять круг посвященных свыше этого Сергей Петрович счел преждевременным.

– Ну вот, – сказал он, когда вокруг него собрался тесный кружок, – нашего полку прибыло, что определенно радует. Теперь надо думать, как правильно ответить товарищам подводникам, чтобы они с перепугу не разорвали связь, забившись в какой-нибудь глухой угол. Разыскивать их у нас не будет никакой возможности.

– Наши предки были не из пугливых, – проворчал Антон Игоревич. – Те, что выходили на подводных лодках в боевой поход, в любой момент были готовы и к смерти, и к бессмертной славе. Да и мы не такие страшные. Думаю, если мы не будем врать и выкручиваться, то на контакт они пойдут. Да и выбора у них никакого нет, если не считать таковым переход к жизни первобытнообщинным строем. Но Черное море, во-первых, для нас чертовски далеко, а во-вторых, из него есть только один выход – через Босфор и Дарданеллы. Прохо-

димось этих проливов, сейчас превратившихся в реки, насколько я понимаю, под вопросом. Фрегат вверх по течению уж точно подняться не сможет.

– То, как мы будем подбирать наших будущих сограждан, вопрос чисто технический, – хмыкнул председатель совета вождей Аквилонии. – В любом случае, фрегат не сможет выйти в рейс еще в течение полутора месяцев, да и плавание до устья Дарданелл займет не менее трех-четырёх недель. Сейчас мы должны думать о том, что сообщить потерявшимся товарищам в ответной радиограмме, чтобы не создать у них о себе превратного впечатления.

– Сообщай все как есть, – сказал главный охотник, – мол, мы – Народная Республика Аквилония, составленная из равноправных представителей разных времен и народов, объединившихся для совместного устремления к лучшей жизни, приглашаем команду советской подводной лодки присоединиться к нашему интернациональному коллективу. Ну и объясни им дату, в которой они оказались: сорок тысяч лет до нашей эры плюс-минус лапоть, и дороги назад нет. Точка. Пусть делают выводы. Все остальное, как ты правильно сказал, это технические детали.

– Андрей прав, – кивнула Марина Витальевна, – со своими мы должны разговаривать честно. И еще. Если их подлодка не сможет пройти Босфор и Дарданеллы, то пусть бросают ее к чертовой матери и идут к назначенному нами месту встречи пешком. Люди для нас гораздо важнее железа.

– Надо понимать, что это ваш товарищ – тоже часть Замысла, – произнес отец Бонифаций. – Никто не попал сюда просто так, а только по Воле Божьей, неважно, верил в нее этот человек или нет. Я думал, что Творец это без разницы – главное, чтобы его дети делал так, как Он сказал.

– Сказать честно, товарищи, иного я от вас и не ждал, – подвел итог сержант Седов. – Товарищам надо помочь, и это однозначно. Но тут товарищ Бонифаций сказал одну очень важную вещь. Если все мы здесь оказались неслучайно, то сейчас следует ждать еще нескольких забросов на усиление русским и советским контингентом, а потом тяжелого удара, который испытает нас на прочность.

– Да, Иван Федорович, я тоже так думаю, – кивнул верховный шаман. – А посему сейчас необходимо найти Джонни, нашего единственного квалифицированного радиста, и составить первую ответную радиограмму. Своих не бросаем.

1 апреля 3-го года Миссии. Понедельник. Час полудни. Западное побережье Черного моря, устье реки Мангалия, советская подводная лодка М-34.

Когда лодка приблизилась к берегу и немного продвинулась к югу от своей первоначальной позиции, ее команде удалось обнаружить устье небольшой реки, заканчивающейся длинным и узким лиманом. В лиман входили осторожно, промеряя глубины лотом, и бросили якорь там, где глубина под килем уменьшилась до одного метра. Из сухих про-

шлогодних камышей, которые густо покрывали оба берега, при приближении подводной лодки в небо взвились стаи диких уток, куликов и прочих водяных птиц, которые уже прилетели из теплых краев и теперь обустроивались, чтобы начать решать извечный вопрос продолжения рода.

– Ничего себе! – произнес краснофлотец Тулаев, окидывая взглядом тучу птиц, затмевающую солнце. – Зря беспокоился товарищ Карелин. Тут провианту хватит на тысячу лет или поболее!

– Ту, Сашко, туды побачь! – сказал промеряющий глубину лотом старшина второй статьи Бондарь, указывая на неторопливо проплывающего мимо лодки осетра размером почти в треть ее длины. – Вот это обед уплывает!

Командир с комиссаром при этом стояли на рубке и тоже обозревали окрестности.

– Действительно, – сказал капитан-лейтенант Голованов, – при достаточной ловкости рук с голоду мы тут не умрем. Да только если наши попытки выйти на связь хоть с кем-нибудь потерпят неудачу, то это будет совсем другая сказка, уже не про янки при дворе короля Артура, а про Робинзона Крузо. Никогда не думал, что закончу свою жизнь так, на пустом чужом берегу, без всякой цели и смысла... – Он подавил тягостный вздох.

– Так вы, товарищ Голованов, думаете, что мы никогда не сможем вернуться назад на нашу войну? – спросил комиссар Якимчук, искоса посмотрев на собеседника.

– Для наших, там, дома, мы погибли на боевой позиции как герои, – ответил командир, – и задача по возвращению нашей лодки назад вряд ли имеет решение. Даже если проглотившая нас дыра устроена не по типу верши и способна пропустить нас обратно, найти ее на глубине едва ли возможно... Это будет, как сказал воентехник Наумов, напрасная трата ресурса.

– Не знаю, не знаю, товарищ Голованов... – вздохнул комиссар, – возможно, вы и правы. Только вот как-то неуютно чувствовать себя дезертиром, пусть даже это и произошло с нами против воли. Там вся страна бьется с врагом из последних сил, а мы тут прохлаждаемся как на курорте...

– Я не меньше вашего хочу вернуться назад, – ответил Голованов, – но, увы и ах, понимаю, что это невозможно. Таковы объективные обстоятельства. И еще хочу сказать, что мы с вами тут не одни. Кроме нас, тут еще имеется команда, за которую мы несем ответственность – если не перед товарищем Сталиным, то перед своей совестью. Понимаете?

– Понимаю, – кивнул комиссар, – но при этом остаюсь при своем мнении. Впрочем, мешать вам не буду, ибо однозначных рецептов тут нет. Ни с чем подобным еще никто не сталкивался.

– А если кто и сталкивался, – хмыкнул командир, – то не смог вернуться и рассказать, как было дело, а это опять же свидетельствует о том, что такие дырки между различными временами или, может быть, мирами, пропускают только

в одну сторону.

На последнее замечание комиссар ничего не ответил. Тем временем старшина Давыдов и краснофлотец Магелат под руководством лейтенанта Чечкина надули от воздушной магистрали резиновую лодку и спустили ее на воду. До берега тут метров тридцать, до пролома в камышах, куда местное зверье ходит на водопой – чуть дальше. Впрочем, разведывательная партия по первому разу и не должна была углубляться на территорию суши – только глянуть, что там да как, да еще срезать с кустов прутовидной ивы несколько побегов на удилища, ибо боцман Карелин затеял рыбалку ради пополнения рациона команды. Он и в Севастополе так делал, пока лодка стояла в базе, в воду за борт – отходы с камбуза, а обратно из воды на камбуз – рыбу, которая собирается на этот прикорм. А тут и прикармливать не надо: рыба в этом лимане сама по себе ходит табунами. Уроженец деревни Ваеньга, что затерялась где-то в непролазных северных лесах между Архангельском и Котласом, в душе он так и остался хозяйственным русским крестьянином, у которого ничего не пропадет втуне, все пойдет в дело.

Первопроходцы, гребя короткими веслами, преодолели неширокую полосу чистой воды и по извилистому проходу углубились в камыши. Некоторое время было тихо, потом грохнул одиночный выстрел из винтовки. Все было встревожились, но минут через десять разведывательная партия выгребла на своей лодке из камышей, имея при себе упитанную

тушу лесной косули.

– Простите, товарищ командир, не смог удержаться, – сказал лейтенант Чечкин и уже намного тише добавил: – там, на берегу, человеческая стоянка: кострище и несколько шалашей, крытых камышом. У нас такие ставят рыбаки, когда выходят на Волгу на несколько дней. И вот что я там нашёл...

И лейтенант показал командиру и комиссару расколотый на две части треугольный камень, тонкая кромка которого была мелкими отщепами дополнительно доведена до бритвенной остроты, а толстая, напротив, притуплена.

– Что это? – с недоумением спросил комиссар Якимчук.

– Каменный нож, – ответил Чечкин, – я почти такой же видел в московском музее. Только тот был целый, а этот сломался, и хозяин бросил его на землю, быть может, сказав в сердцах несколько бранных слов.

– Ну и фантазия у вас, товарищ Чечкин... – покачал головой комиссар. – Это надо же было такое придумать – каменный нож!

– Да нет, товарищ Якимчук, – вздохнул капитан-лейтенант Голованов, – фантазия товарища Чечкина тут ни при чем. Вот же он, каменный нож – и не из музея, а с помойки, выброшенный как самая обычная сломанная вещь, уже ставшая ненужной. И в свете нашего с вами предыдущего разговора это не сулит ничего хорошего. Боюсь, что служба какому-нибудь прогрессивному королю Артуру нам еще по-

кажется за счастье.

И как раз в этот момент из люка, как явление Христа народу, появился радист, старшина второй статьи Попонин.

– Товарищи командиры, радиограмма! – возгласил он благоую весть, улыбаясь во весь рот.

– От кого? – дружно, будто заранее репетировали, спросили командир и комиссар.

– Подписано: «Председатель Верховного Совета Народной республики Аквилония тов. С.П. Грубин и Председатель высшего военного совета тов. А.В. Орлов», – сказал радист, передавая капитан-лейтенанту Голованову сложенную вчетверо бумагу с текстом радиограммы.

В наступившей тишине командир развернул радиограмму и принялся долго и внимательно изучать ее пространный текст.

– Ну вот, товарищи командиры и краснофлотцы... – наконец произнес он, опуская руку с бумагой, – хотели ясности – получите. Мы с вами находимся на глубине сорок тысяч лет до нашей эры, что прекрасно согласуется с найденным товарищем Чечкиным каменным ножом... И возвращение обратно невозможно. Штука, которая глотает как отдельных людей, так и корабли с самолетами, сделав свое дело, тут же исчезает, и искать ее для совершения обратного перехода бессмысленно, даже если это случилось на суше, на местности с хорошо заметными ориентирами. Наш случай – далеко не первый в длинной череде, и никогда еще не было

иначе. Народная Республика Аквилония – это равноправное объединение представителей разных времен и народов, собравшихся в одно государство для совместного устремления к лучшей жизни в таких, надо сказать, неблагоприятных условиях. Ее основатели и нынешние руководители – наши соотечественники, выходцы из начала двадцать первого века – постарались устроить у себя все по лучшим советским стандартам с поправкой на местную обстановку. Других государств, или даже более-менее цивилизованных поселений тут нет, зато возможно появление недружественных пришельцев, насильников и убийц. Любой организованный вооруженный отряд, оторвавшийся от породившего его буржуазного или феодального классового государства, неизбежно превратится в банду, с которой придется воевать насмерть. Но нам, как советским людям, товарищи аквилонцы верят, и приглашают присоединиться к их государству на равноправных условиях. Если мы откажемся от этого предложения, то нас ждет растворение в местном населении, с переходом к первобытному способу существования, или... даже безвестная гибель, потому что такие случаи уже были. И еще нам сообщают, что Великая Отечественная Война, начавшаяся с нападения гитлеровской Германии на СССР, закончилась девятого мая сорок пятого года сокрушительной победой Красной Армии. Разбитый вдребезги Берлин был взят нашими войсками штурмом, Гитлер сожрал яд в своем бункере, чтобы не попасть в плен, а над развалинами Рейхстага

взвилось Алое Знамя Победы. Вот так, товарищи...

По мере того как командир говорил, на лице комиссара Якимчука последовательно сменяли друг друга гримасы скептического неприятия, глубокой задумчивости и сдержанного оптимизма. По жизни это был один из тех партийных кадров, которые, не имея каких-либо глубоких убеждений, предпочитали колебаться вместе с генеральной линией, непременно поддерживая и одобряя решение текущего вождя. Ведь если командир зачитает эту радиограмму перед командой и поставит вопрос на голосование, то решение будет, конечно же, единогласным. При отсутствии другой достойной возможности присоединиться к родственному для Советского Союза народному государству, как бы оно ни называлось, захотят все. И если он, как комиссар, не поддержит это стремление, это не изменит ровным счетом ничего. У капитан-лейтенанта Голованова имеется настоящий командирский авторитет. Люди будут слушаться его в любых условиях: хоть в бою под глубинными бомбами, хоть здесь, в Каменном веке. А у него, комиссара Якимчука, имеется только авторитет партии и правительства, от которых команда подводной лодки М-34 в настоящий момент уже полностью оторвалась. В таких условиях идти против желаний коллектива, уже имеющего признанного лидера, смерти подобно. Да и не хочется ему идти против, ибо окружающая объективная реальность говорит, что любая альтернатива присоединению к этой самой Аквилонии для всей команды и его

самого выглядит более чем печально. А посему...

– Ну хорошо, товарищ Голованов, – произнес комиссар, сняв фуражку и проведя рукой по наголо обритой голове, – присоединиться на равных к народной республике, созданной нашими соотечественниками – это совсем не то, что пойти в услужение к средневековому британскому феодалу. Поэтому ваше решение вступить в переговоры с руководством Аквилонии по поводу нашего присоединения к этому государству я решил одобрить и всемерно поддержать.

После этих слов комиссара находящиеся поблизости члены команды облегченно выдохнули, а лейтенант Чечкин спросил:

– Товарищ командир, а где находится эта Аквилония, и хватит ли у нас до нее топлива?

– Аквилония расположена в окрестностях современного нам города Бордо, у места слияния рек Гаронна и Дордонь, – сказал капитан-лейтенант Голованов, – и топлива туда нам точно не хватит. Своим ходом мы сможем дойти максимум до южной оконечности острова Тинос, но и это, товарищ лейтенант, еще далеко не все сложности. В настоящее время из-за наличия массивов оледенения уровень мирового океана на восемьдесят метров ниже, чем в наше время. Если верить батиметрическим картам, то точка перелива пролива Босфор находится на глубине тридцать метров, а Дарданелл – пятьдесят метров. Именно поэтому Черноморские проливы превратились в полноводные реки,

а вода в Черном море, после начала оледенения превратившемся в проточное озеро, за несколько десятков тысяч лет полностью опреснела. Пройдет ли по этим рекам наша «малютка», товарищам из Аквилонии достоверно не известно, потому что они там никогда еще не были. Этот вопрос нам предстоит разрешить самостоятельно. А теперь – хорошая новость. Идти на своих двоих на другой конец Европы нам не придется. Товарищи из Аквилонии вышлют за нами имеющийся у них парусный фрегат, который сможет отправиться в путь только через полтора месяца, когда на реках Аквилонии закончится ледоход. Если наша лодка сумеет пройти через Босфор и Дарданеллы, то нас подберут в той точке маршрута, куда она самостоятельно сможет дойти под дизелем. В противном случае местом рандеву будет назначено устье Дарданелл, до которого нашей команде нужно будет идти вдоль берега пешком. Простой стоящая перед нами задача не будет, скорее, наоборот, но мы же советские люди, а значит, должны справиться с любыми трудностями. Товарищ Попонин, прекратите улыбаться будто именинник, и сообщите аквилонским товарищам, что мы согласны на их предложение, а также попросите перейти на волну, на которой мы прежде связывались со штабом бригады. И нам так привычней, и не стоит болтать на тех волнах, на которых кто-то еще может передать сигнал бедствия. Выполняйте.

1 апреля 3-го года Миссии. Понедельник. Вечер.

Первый этаж, правая столовая Большого Дома. Совет вождей.

– Ну вот, товарищи, мы и договорились, – сказал Сергей Петрович. – Следующие три дня подводная лодка простит на якоре в устье лимана Мангалия, а потом возьмет курс на Босфор. Мы будем поддерживать связь и принимать дальнейшие решения в зависимости от складывающейся обстановки.

– Мне кажется, Петрович, что ты несколько недооцениваешь важность случившегося события, – хмыкнул Антон Игоревич. – Прежде пропаданцев подкидывали нам прямо под дверь, или мы натыкались на них случайно, а теперь у нас намечается самая настоящая спасательная экспедиция.

– Еще полгода назад мы были не в состоянии организовать хоть какую-нибудь спасательную экспедицию подобного рода, – ответил Верховный вождь и шаман. – «Отважный» для дальних походов не подходит категорически. Да и сейчас команде капитана Дамиано по большей части придется учиться морскому делу прямо на ходу. Опыт прошлогоднего короткого перехода от устья Адур прямо к нам, сюда, в условиях дальнего похода, не в счет.

– Мы готовился, – с легкой обидой в голосе сказал капитано ди фрегато Раймондо Дамиано, – сейчас ходить еще нельзя, но мы уже тренировался. Синьорита маринайо⁷ слушал команда и скакал на мачту вверх-вниз, вверх-вниз. На-

⁷ Маринайо (marinaio) по-итальянски матрос или моряк.

до, чтобы все был как автомат. Когда мы идти сюда, я больше всего бояться, что кто-то падал с рея. Но Господь миловал. Обошлось. Но сейчас страх нет. Все будет, как говорил молодой синьор Сергей, тип-топ. Меня волновать другое. Синьор Петрович, как мы с вами будем держать связь и узнавать о перемене обстановка?

– Мы дадим вам портативную коротковолновую рацию из аварийного комплекта Ту-154 и солнечную панель для подзарядки батарей, – сказал Сергей Петрович. – Мощность рации – всего половина ватта, но в телеграфном режиме при пустом эфире мы будем слышать вас достаточно хорошо.

– Половина ватта – это очень мало, синьор Петрович, – авторитетно заявил Раймондо Дамиано. – Такой станция даст нам только ближний связь. Станция двести ватт с «Лоренцо Марчелло» гораздо лучше. Я знал, что синьор Белло аккуратно снять ее и ставить на склад вместе с батареей.

– Хорошо, – согласился Сергей Петрович, – пусть это будет ваша итальянская радиостанция. Вопрос только в квалифицированном радисте, потому что Джонни нужен нам здесь.

– О! – по-итальянски эмоционально всплеснул руками капитан «Медузы». – У нас есть итальянский радист – старшина второго класса Максимилиано Ферретти. Он жив и здоров, потому что мы попасть в плен вместе. Он знает этот рация, и его не надо учить. Теперь, синьор Петрович, я хотел

знать, что такой солнечный панель и зачем он нужен?

– Солнечная панель, – ответил тот, – это устройство из нашего родного времени для прямого немеханического преобразования солнечного света в электричество. Размер метр на метр шестьдесят, вес двадцать килограмм, выходная мощность в яркий солнечный день триста ватт, выходное напряжение двадцать четыре вольта.

– Фаволосо! – воскликнул Раймондо Дамиано. – То есть прекрасный новость, синьор Петрович. Это как раз то, что нужен. Я хотеть брать такой генератор, где маринайо надо крутить ручка, но теперь этот не надо.

– Ручной генератор с собой тоже брать надо, – ответил Сергей Петрович. – Мало ли чего может случиться в пути. И вообще, я считаю, что рацию на фрегат нужно смонтировать уже сейчас, подключить к ней питание и антенну и попробовать установить с советской подводной лодкой отдельный канал связи. Только так, не выходя в поход, можно проверить работоспособность оборудования на полную дальность.

– О да, синьор Петрович, – кивнул капитан Дамиано. – Я заняться этим немедленно.

– А я, – сказал Андрей Викторович, – в этот момент говорил бы совсем не о рации. Судя по всему, на этот раз мы будем вынуждены столкнуться с таким явлением, как всесоюзная коммунистическая партия большевиков. Наверняка на лодке имеется комиссар, и еще как минимум два члена ко-

манды являются действительными членами партии. Как бы у товарищей большевиков не случился идеологический конфликт с отцом Бонифацием.

– Я не знал, кто такой большевики, и зачем между нами будет конфликт, – сказал отец Бонифаций.

– Прежде чем говорить о большевиках, – неторопливо произнес Верховный вождь и учитель, – следует сказать о том, во что превратилась христианская церковь на протяжении двух тысяч лет своего существования. Вскоре после завершения христианизации Европы и у церкви отпала нужда нести Истину в массу язычников, и она постепенно стала превращаться в замкнутую корпорацию людей, имеющих монопольное право говорить от имени Всемогущего Бога. А корпорация, какой бы она ни была, всегда преследует только материальный интерес – этические, моральные и духовные вопросы для нее являются вторичными. Отцам церкви хотелось иметь больше роскошно украшенных храмов, больше монастырей, больше сокровищ, припрятанных на черный день, и, самое главное, больше власти над людьми – не только духовной, но и мирской. Постепенно они не только забыли идею братства всех народов во Христе, но и сам Бог для них из любящего Отца превратился в сурового беспощадного господина, своего рода Небесного Императора, которому требуется приносить дары и восхваления, а иначе он накажет слушников страшными карами.

– Но это же извращений! – воскликнул честный священ-

ник. – Бог совсем не такой.

– Конечно, это извращение, – согласился Сергей Петрович, – и предотвратить его повторение в нашем мире – ваша важнейшая задача. Если хоть кто-то из ваших последователей, Божьих служителей, в будущем станет запугивать своих прихожан божьими карами не за то, что они совершили смертный грех, а всего лишь за неисполнение обрядов и ритуалов, то тогда, отче Бонифаций, грош вам будет цена как апостолу. И особенно плохо будет, если священники станут заниматься этим запугиванием с целью получения дополнительных материальных благ для себя лично и для всей церковной корпорации. Впрочем, там, в нашем прошлом, христианская церковь пошла еще дальше, и за материальные взносы в денежной форме или в виде доходных земельных угодий стала от имени Бога отпускать власть имущим даже смертные грехи. Так идея искупления во исполнение Божьей справедливости была заменена идеей откупа: мол, нагрешил – заплати деньги церкви, и ада для тебя уже не будет. Еще раз нагрешил – заплати еще. Так церковь обрела материальные богатства, но выхолостила свое внутреннее содержание, а идеи всеобщей любви, братства и неотвратимой справедливости поселились в умах светских философов. И первое, что они сказали, это что Бога нет, потому что если бы Он был, то описанные выше мерзости оказались бы невозможными.

– Эти люди тоже считал Бог как главный начальник

над земной жизнь? – сказал отец Бонифаций.

– Верно, – согласился главный вождь и учитель Аквилонии, – даже взбунтовавшись против системы, они все равно оставались в ее рамках, ибо так были воспитаны. Для своего учения они взяли главные этические постулаты христианства, к тому времени уже отброшенные церковью, но полностью исключили из его догматов идею Бога. Так зародился марксизм и его высшая форма – большевизм, который во главу угла ставил вопрос преодоления всеобщей несправедливости мира путем вооруженной борьбы неимущих людей против имущих.

– У нас тут, в Аквилония, нет имущий или неимущий, – сказал священник, – все, как и должно быть в хорошей общине, одинаковый, все трудиться и нести свой крест. И это вы делали правильно! Я одобряю, и Бог с небес смотрел на вас и радовался!

– Умный человек увидит это сразу, и все поймет правильно, – сказал Сергей Петрович, – но дурак поднимет несусветный крик, едва только услышит о Боге.

– О, я понял! – воскликнул падре Бонифаций. – У этот ваш большевик тоже был свой фарисей-книжник, слепой к истине? Его бьют по голове, а он спрашивает, где звенит?

– Да, фарисеи среди большевиков никогда не переводились, и особенно много их было в руководстве, и именно они конце концов это учение и убили, – подтвердил главный вождь и учитель Аквилонии. – Но в те времена, из которых

к нам попал этот подводный корабль, большевизм был на пике своей силы, потому что его тогдашний вождь фарисеем отнюдь не был. Но зато среди комиссаров, жрецов этой религии, фарисеи были явлением весьма распространенным. Поэтому, стоило тому вождю умереть, и бывшие соратники-фарисеи тут же втоптали его имя в грязь, а все его дела объявили преступлениями.

– А я думаю, – сказала Марина Витальевна, – что все будет зависеть от того, кем окажется комиссар этой подводной лодки: борцом за идею справедливости или типичным троцкистом-начетником. В первом случае он станет нам верным товарищем, а во втором у нас с ним возникнут проблемы, которые Андрей назвал «идеологическим конфликтом». Крику по поводу всех наших порядков, а не только из-за веры в Бога, тогда будет столько, что хоть уши затыкай.

– Вот только не надо, товарищи, считать наших предков за идиотов, – проворчал Антон Игоревич, – начетчик никогда не будет иметь настоящего авторитета в коллективе, а его власть над людьми опирается исключительно на репрессивную машину государства. Без нее он никто, ничто и звать его «эй ты». Наглядный пример тому – господин Мергенов, сейчас отбывающий епитимью у отца Бонифация. Впрочем, я не стал бы делать по этому поводу скоропалительных выводов и готовиться к чему-то страшному. Наш гипотетический комиссар все же ходил на подводной лодке в боевые походы, а не проявлял свою власть из какого-нибудь безопасного ме-

ста. Должен же он понимать, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

– Я опасюсь, что конфликт может случиться еще до того, как «Медуза» вернется обратно к Большому Дому, – сказал Андрей Викторович. – Капитан Дамиано будет для советских подводников не непререкаемым авторитетом, как это должно для командира, а лишь причиной для дополнительного раздражения. А то как же: ведь он итальянец, а значит, враг. Я бы и сам пошел в этот поход, но опасюсь, что, пока мы будем плавать туда-сюда, Посредник может подкинуть нам очередную каверзу.

– И не думай об этом, Андрей, – возразил Сергей Петрович. – В качестве нашего комиссара, по совместительству корабельного врача, в рейс пойдет доктор Блохин, а в подкрепление ему мы выделим Серегу с его подразделением. На хозяйственных работах от него все равно мало толку, а в походе он будет вполне на своем месте. И вообще, как-никак он у нас специалист по подлодкам. Когда девки расскажут, как он обошелся с итальянцами, для советских подводников он станет кем-то вроде поп-звезды.

– Согласен, – сказал главный охотник. – Серега в таких случаях – это как раз то, что требуется. А отцу Бонифацию следует подготовиться к синтезу христианских и коммунистических идей, ведь социальные вопросы в христианском учении были отражены достаточно поверхностно, что и позволило церкви в нашем прошлом дать такой резкий крен

вправо.

– Я готовиться, – коротко ответил священник. – Наш теолог и на самом деле слишком много думать над сущность Христа, но почти ничего над его идея. Это надо решать.

– В таком случае, – сказал Сергей Петрович, – предлагаю завершить обсуждение подготовки спасательной экспедиции и перейти к текущим вопросам. В первую очередь, еще до полевых работ, нам необходимо организовать уборку прошлогоднего урожая крапивы...

5 апреля 3-го года Миссии. Пятница. Пять часов пополудни. Исток реки Босфор, азиатский берег, залив за мысом Анадолу, советская подводная лодка М-34.

Соблюдая осторожность (ибо бывают ситуации, что туда пойдешь и обратно уже не вернешься), капитан-лейтенант Голованов приказал бросить якорь в небольшом заливе на азиатском берегу истока исполинской реки. Местность тут выглядела совершенно иначе, чем в месте предыдущей стоянки. Если там пейзаж был равнинным, покрытым типичным для средней полосы смешанным лесом, то тут каменистые склоны холмов, поросшие жестким кустарником и кое-где прорезанные диагональными звериными тропами, уступами круто вздымались в небо. И лишь у самого уреза воды имел место узкий, два-три метра шириной, галечный пляж.

Но командира подводной лодки в этот момент интересовал совсем не берег, который для него был всего лишь дета-

лью пейзажа, а гладь истекающей из Черного моря исполинской реки. Поэтому, стоя на рубке, капитан-лейтенант Голованов наблюдал за тем, как мимо бесшумно скользят исполинские массы воды. Здесь, где ширина Босфора чуть превышала морскую милю, движение воды еще было плавным и размеренным, и на глаз имело скорость около двух узлов, что для равнинной реки очень много. Хоть Волга, хоть Дон, хоть Днепр такую скорость течения воды имеют в сужениях и на перекатах, а тут пока только самое широкое и глубокое место бывшего пролива. Дальше русло будет и уже, и мельче, а течение, соответственно, быстрее. С этого места было видно, что примерно в миле от этого места в сторону Мраморного моря русло реки сужается почти вдвое, а течение резко ускоряется. Если бы лодка зашла за эту горловину, то вернуться обратно можно было бы только при полном напряжении дизеля. При этом акустик Тимченко докладывал, что слышит отдаленный тяжелый гул. Возможно, это шум воды на порогах или даже грохот водопада. Не зря товарищ Грубин призывал в этом неизведанном месте к осторожности, осторожности и еще раз осторожности. Лучше идти к точке randevу пешком, чем сдуру упокоиться где-нибудь на дне.

Впрочем, в существование на Босфоре водопадов командир М-34 не верил, ибо имеющиеся у него детальные батиметрические⁸ карты пролива нигде не указывали на резкие перепады глубин. А вот где-то ближе к Стамбулу (точнее,

⁸ Батиметрическая карта – карта рельефа дна.

к тому месту, где в цивилизованные времена стоял этот город) пороги вполне могут иметь место. Чтобы выяснить это достоверно, необходимо сойти на берег и пройти весь Босфор ножками от истока до устья, по пути визуально привязываясь к известным ориентирам и сопоставляя карту двадцатого века с фактурой нынешнего времени. Дней за десять туда-обратно обернуться можно, и только потом, если разведывательная партия не обнаружит непроходимых для «Малютки» мест, можно будет попытаться пройти эту реку, разумеется, по возможности облегчив лодку от всего ненужного и отправив большую часть команды пешком.

– Значит, так, товарищи, – сказал командир, оторвавшись от созерцания речных вод, – надуваем лодку и разбиваем на берегу лагерь. Ответственный за порядок – товарищ Карелин.

– Что, товарищ командир, мы уже приплыли? – с некоторым разочарованием в голосе спросил лейтенант Чечкин.

– Да нет, товарищ Чечкин, город мы здесь основывать не будем, – под тихие смешки команды ответил капитан-лейтенант Голованов. – Но вы же видите, какая силища эта река Босфор. А вдруг там, впереди, пороги или перекат, на котором наша «Малютка» сядет с гарантией? Я же все-таки по первому образованию речник, и хорошо понимаю, какая сложная задача стоит перед нашей командой. Из начальных данных уже достоверно известно, что перепад высот между истоком и устьем у этой реки, которая возникла на месте

пролива, в пять раз больше, чем у Невы, а объем протекающей воды, что видно уже на глаз, превышает невольский во много раз. Поэтому, прежде чем соваться в пасть зверю, необходимо пересчитать его зубы. Завтра утром я, вы, комиссар Якимчук, старшина второй статьи Кругляков, старший краснофлотец Алифанов, краснофлотец Волохин, старшина второй статьи Дубов, старшина первой статьи Давыдов, а также старшина второй статьи Тимченко выступаем в разведывательный поход вдоль берега от истока до устья. А потом обратно. И срок нам на все дела – неделя, максимум десять дней... Старшим среди остающихся назначается воентехник Наумов, его заместителем – боцман Карелин. Товарищ Попонин, сообщите товарищу Грубину, что мы бросили якорь у истока Босфора и завтра с утра начинаем разведку местности.

При этом акустик Тимченко понимающе кивнул (мол, командир дело говорит), а комиссар Якимчук посмотрел на капитан-лейтенанта с таким недоумением, будто хотел спросить: «А меня-то за что, товарищ Голованов?». Тот ответил комиссару встречным взглядом – что, мол, как раз с тебя в первую очередь глаз спускать нельзя: кто его знает, что ты тут накомандуешь как старший по званию, оставшись без моего строгого присмотра. Нет уж, теперь до самого конца вместе – и в пеший поход, и, если понадобится, на морское дно. Капитан-лейтенант уже твердо решил, что в случае положительного результата разведки он лично поведет М-34 на про-

рыв, имея на борту самую минимальную команду и... комиссара, а остальные пойдут пешком вдоль берега под командованием лейтенанта Чечкина. По-другому нельзя. Если лодка все же разобьется, то выживет хоть кто-нибудь.

Через некоторое время неугомонный лейтенант Чечкин, старшина Давыдов и краснофлотец Магелат на надувной лодке пересекли не особо широкую полосу воды и достигли галечного пляжа. Пока они там осматривались, краснофлотец Тулаев выбрал привязанный к лодке линь, подтянув ее обратно к борту, чтобы к переправе смогла приступить следующая троица: боцман Карелин, старшина Тимченко и старшина Бондарь. Пока Давыдов и Магелат собирали сушняк для будущего костра, Чечкин прошел чуть дальше и по почти высохшему каменистому руслу небольшого ручейка, протекающего в ложбине между холмами, принялся карабкаться вверх. Ведь мальчишка же совсем в свои двадцать два года, хоть и лейтенант... Впрочем, ничего страшного с ним не случилось. Добравшись до первого и второго уступа, а потом и до гребня холмов, Чечкин постоял там немного, осматривая местность, потом, не обнаружив, видимо, того, что искал, стал тем же путем спускаться вниз.

– Признаков присутствия местного населения не обнаружено, – доложил он командиру, успевшему за это время переправиться на берег. – Ни дымка костра, ни чего-нибудь похожего. Абсолютно дикая и безлюдная местность...

– Вы, товарищ Чечкин, проявили преступное легкомыс-

лие и неосторожность, – не меняясь в лице, ответил капитан-лейтенант Голованов. – Не ожидал такого от красного командира и кандидата в члены ВКП(б), без пяти минут коммуниста. Отдаляться от основной группы для проведения разведки или каких еще надобностей разрешаю только в составе команды из трех человек. Даже если вы просто присядете погадить под куст, кто-то с винтовкой наизготовку должен стоять рядом. Товарищ Грубин радировал, что тут еще не вымерли пещерные львы, да и другие хищники еще весьма невоспитанные, и в человеке видят не угрозу, а возможную еду. Посадить бы вас за такое на гауптвахту суток на десять, да где ж ее здесь возьмешь... А посему объявляю вам устный выговор. Идите, товарищ Чечкин, и больше не грешите.

– Есть идти и больше не грешить! – ответил Чечкин, отходя в сторону, чтобы подумать над своим поведением.

После слов командира молодой человек устыдился своего поступка. Да, умеет товарищ Голованов выразить свое негативное мнение, не используя ни единого матерного слова. Ведь он прав: не было никакой необходимости в одиночку лезть на тот холм, но понесла нелегкая. Ну ничего, в дальнейшем он уже не будет таким дураком, ведь завтра с утра тяжелый и опасный поход, в котором капитан-лейтенант будет рассчитывать на него как на своего главного помощника.

6 апреля 3-го года Миссии. Суббота. Вечер. Азиат-

ский берег реки Босфор, мыс Бейкоз.

Командир подводной лодки М-34 капитан-лейтенант Николай Иванович Голованов

Пройти вдоль реки по бережку, как предполагалось первоначально, у нас не получилось. Галечные пляжи, вроде того, где наша команда разбила временный лагерь, оказались на этой реке явлением сугубо эпизодическим и имели место только на побережье бухт. На мысах же берег круто обрывался в воду скалистыми уступами, под которыми бурлил стремительный поток. Лезть через этот хаос напрямую – занятие для самоубийц, так что я запретил лейтенанту Чечкину даже пытаться делать что-то подобное. Мы тут не немецкие или румынские позиции штурмуем, а лишь ведем разведку местности, и наша главная задача – пройти весь путь до конца, не понеся при этом потерь ни убитыми, ни даже ранеными. Если хоть один человек в нашей разведывательной команде хотя бы просто подвернет ногу, то выполнение нашей задачи существенно осложнится.

Так что нам пришлось звериными тропами подняться наверх и идти по гребням холмов, время от времени спускаясь в пересекающие путь лесистые ложбины. Мы, моряки, не очень-то сильны в ходьбе, и в большей мере это касается подводников. Если на крейсере или линкоре можно намаывать километры по палубе и бесконечным коридорам, то на подводной лодке, особенно на «Малютке», бегать некуда. На нашей М-34 все помещения внутри прочного корпуса –

от торпедного до электромоторного отсеков – в длину метров двадцать, не больше. Но я сказал (в первую очередь себе, а уже потом и команде), что подводниками мы сможем оставаться весьма недолго. Вот кончится топливо (что неизбежно случится в самом ближайшем будущем) – и Каменный век возьмет свое. Даже после прибытия в Аквилонию передвигаться нам придется исключительно на своих двоих, так что к такому образу жизни следует привыкать заранее.

Дорога была не просто трудной, а очень трудной. Каменистую тропу по гребню холма можно было воспринимать как столбовой тракт, а ведь нам приходилось еще спускаться в лощины и продираться через заросли кустов. Труднее всего приходилось комиссару Якимчуку – человеку рыхлому, привыкшему исключительно к кабинетному образу жизни. Уже к полудню он совершенно выбился из сил и едва переставлял ноги.

– Вы, товарищ Голованов, наверное, хотите просто меня убить? – сказал он мне, роняя высокое звание коммуниста, умеющего стойко переносить трудности. – Невозможно же так идти целый день, даже не останавливаясь при этом на привал...

– А вы, товарищ Якимчук, как наш комиссар, должны показывать команде пример стойкости и оптимизма, – парировал я. – Всем нам нелегко, все мы устали, но никто, кроме вас, не жалуется. Я тоже едва переставляю ноги, но сетовать на усталость или преждевременно объявить привал мне

не позволяет достоинство коммуниста и командира.

В ответ он осмотрелся по сторонам, глянул на ощутимо припекающее с небес солнце, снял фуражку, вытер платком потную наголо обритую голову и сказал:

– Пожалуй, вы правы, товарищ Голованов... Тяжело сейчас всем, поэтому я постараюсь больше не роптать. Быть может, мне так трудно идти только с непривычки, а потом это постепенно пройдет.

Двигаясь вдоль реки, мне следовало выбирать такой путь, чтобы иметь возможность все время держать Босфор в поле зрения и оценивать скорость течения, а также наличие в нем бурунов и водоворотов, сопоставляя увиденное с данными имеющейся у меня карты. С высоты гребней холмов заниматься этим было даже удобнее. Впрочем, где-то после полудня азиатский берег стал более пологим, исчезли подступающие прямо к воде скалы. Появилась возможность спуститься вниз и пойти прямо вдоль берега. Течение в этом месте было быстрым, но не запредельным, а глубина – более чем значительной. В двадцатом веке глубины на фарватере превышали пятьдесят метров, и сейчас должно было остаться не меньше тридцати.

Солнце стояло еще высоко, когда я распорядился остановиться на ночевку на мысу Бейкоз. Мы могли бы пройти за первый день и в два раза больше, но тогда на следующий день не смогли бы сделать и шага. Кроме того, следовало позаботиться об ужине. Здесь, где дичь так и мельте-

шит вокруг, это не представляет большой проблемы. Но охотиться по пути я запретил. Стрелять в каких-нибудь зайцев и куропаток – это только зря переводить патроны, а крупную добычу волочь с собой по маршруту просто невыносимо. На промысел отправился наш ворошиловский стрелок лейтенант Чечкин, которого подстраховывали старшина Давыдов и старшина Тимченко.

Пока комиссар Якимчук сидел на нагретом солнцем валуне, блаженно вытянув уставшие ноги, а остальные собирали сушняк для костра и ломали можжевельный лапник на постели, наши охотники зашли за отрог холма, и минут через двадцать раздались три выстрела – сначала один, а потом два почти дуплетом. Я было встревожился, ибо такому хорошему стрелку, как лейтенант Чечкин, для того, чтобы убить какого-нибудь горного барана или теленка дикого быка, хватило бы и одной пули. Дичь тут совершенно непуганая и подпускает людей к себе на расстояние каких-нибудь двадцати метров (что было совершенно невозможно в наше время).

Но вскоре прибежал старшина Тимченко и закричал, что они убили не только барана, но и охотившегося на это стадо какого-то хищника из породы кошачьих – поменьше льва и покрупнее рыси. Когда подстреленный баран рухнул, суча ногами, и стадо бросилось наутек, этот зверь попытался оспорить добычу у наших товарищей. Пока Чечкин передергивал затвор, Давыдов и Тимченко выстрелили по одному разу, и оба попали, на чем карьера охотника у этой дикой

кошки закончилась. Теперь лейтенант Чечкин просил у меня дать еще пару человек в помощь, чтобы притащить этого зверя в лагерь и уже тут снять с него шкуру.

На это я ответил, что в нашей команде правильно снимать шкуру со зверя умеют только боцман Карелин и старшина Пепенцов, выросшие в лесных деревнях Архангельской области, а остальные, уроженцы более обжитых краев или вообще горожане, и сами измучаются при такой работе, и шкуру наверняка попортят. Так что это как раз тот случай, когда овчинка не стоит выделки. Мол, бросайте вы этого недольва и волоките в лагерь только барана. Потом, немного подумав и вспомнив некоторые моменты из беллетристических книг, я сказал старшине Тимченко, чтобы они с Давыдовым вырезали у зверя клыки и разделили их между собой пополам. Два одному, и два другому. Мол, если просверлят в этих зубах дырки и будут носить их на шнурках, то для местных это будет что-то вроде медали «За отвагу», и потом любая самая красивая девка пойдет за них замуж не глядя.

Краснофлотец Магелат, узнав, что Чечкин завалил барана, прошелся по окрестностям, где уже буйно поднялось весеннее разнотравье, и надергал из земли солидный пук одному ему известных травок. Мелко искрошив этот гербарий ножом и добавив немного соли, он натер этой смесью куски парной баранины. «Мясо по-кавказски, – сказал Магелат с важным видом, насаживая наш будущий ужин на шампуры, выстроганные из прошлогодних кизиловых побегов, – паль-

чики облизешь!».

Потом мы жарили этот импровизированный шашлык на углях и ели горячее ароматное мясо, запивая его чаем из эмалированных кружек. Действительно, пальчики облизешь. Каких только талантов нет в нашей команде! В этот момент, кажется, даже комиссар Якимчук поверил в то, что жизнь может быть хороша и в Каменном веке, особенно когда рядом есть плотно сбитый коллектив, в котором каждый человек талантлив по-особенному.

7 апреля 3-го года Миссии. Воскресенье. Вечер. Азиатский берег реки Босфор, место на котором в двадцать первом веке был расположен мост Фатих Султан Мехмед.

Командир подводной лодки М-34 капитан-лейтенант Николай Иванович Голованов

После наступления темноты, как и на предыдущей стоянке, на холмах завывали шакалы, не давая спать своими песнями. Ну чисто Оперный театр... Но горящий огонь и бдящие часовые, сменяющиеся каждые два часа, уберегли нас от ночных опасностей, так что утром мы, как ни в чем не бывало, позавтракали холодным мясом, еще с вечера нажаренным впрок, и выступили в поход в девять часов.

Сначала идти по галечному пляжу было относительно легко, потом, там, где Босфор круто поворачивал на девяносто градусов, мы вновь уперлись в склон холма, почти отвесно

уходящий в глубину. Пришлось искать тропу наверх и идти в обход этой кручи, осматривая местность сверху. К этому моменту у меня уже сложилось мнение, что с учетом тех масс воды, которые рвутся на свободу через Босфор, риск посадить лодку на пороги отсутствует напрочь. Главное – на резком повороте русла не вылететь на береговые скалы.

Дальше мы опять шли по гребню холмов, то спускаясь в ложбины, то поднимаясь обратно наверх. И вот, не доходя примерно километр до конечной точки намеченного на этот день маршрута, в том месте, где в Босфор впадали два полноводных ручья, мы наткнулись на стоянку местных жителей.

Заблаговременно обнаружив это явление со склона холма, я принялся изучать его через бинокль. Островерхие жилища больше всего напоминали ненецкие чумы или индейские вигвамы, какими их рисуют в книгах, и было таких сооружений ровно шесть штук, выстроенных неровной линией вдоль берега. Население стойбища было весьма немногочисленным – не более четырех десятков человек. Пятеро взрослых мужчин (их легко было отличить от всех прочих, потому что они не расставались со своими копьями), десяток женщин, остальные же – дети и подростки от почти младенцев до почти взрослых. А нет, вру... еще имел место некто седоволосый (скорее всего, старик) – он сидел на большом камне и невозмутимо взирал на творящуюся вокруг суету. А суета была еще какая, потому что в поселении бушевал самый

безобразный скандал. Бабы, уперев руки в боки, точно хохлашки, выговаривали что-то своим благоверным, а те стояли, повинно опустив головы.

Лейтенант Чечкин, как и я, с большим интересом обозревал поселение в бинокль. Вот он приподнял бровь, хмыкнул и сказал, отрываясь от прибора:

– Скорее всего, мужики вернулись с охоты с пустыми руками, а их женщины недовольны этим обстоятельством, потому что и им, и их голодным чадам очень хочется есть.

Я хотел было обойти это стойбище местных по большому кругу, не желая вмешиваться в жизнь местных, но в этот момент нас заметили. И это были не взрослые, увлеченные выяснением отношений, а один из подростков – он что-то закричал, указывая рукой в нашу сторону. Что тут началось! Мужчины выстроились в линию, как бы преграждая нам путь (правда, свои массивные копья наизготовку пока не брали), а женщины подняли невероятную суету, наверное, готовясь к спешному бегству. Очевидно, они решили, что мы представляем для них опасность, ведь в эти дикие времена, как и много позже, человек человеку был хищным волком, а не товарищем и братом. Но мы-то не такие...

– Спускаемся, – сказал я. – Оружие держать наготове, но при отсутствии враждебных действий ни на кого не направлять. Будем знакомиться. Скорее всего, это не последний местный клан, который мы встретим на своем пути.

– Как вы сказали, товарищ Голованов, клан? – переспро-

сил комиссар Якимчук.

– Так точно, товарищ комиссар, клан, – ответил я. – Товарищ Грубин радировал, что это низовая ячейка местного родоплеменного общества, состоящая из людей, связанных кровным родством по мужской линии. Вон те мужчины, скорее всего, приходятся друг другу родными, двоюродными и троюродными братьями, и считаются происходящими от общего предка. Каждый клан контролирует определенную охотничью территорию – как правило, два или три десятка километров вокруг своей стоянки, и встречается с соседями один раз в год, чтобы выдать замуж подросших девушек и произвести натуральный обмен излишками: шкурами или заготовками для каменных орудий. Клан, который мы видим сейчас, очень маленький и слабый. Сильные кланы насчитывают до двух десятков охотников, а тут всего пятеро.

– И что вы намерены делать? – спросил Якимчук.

– Знакомиться, товарищ комиссар, только знакомиться, и больше ничего! – уверенно ответил я. – Если результат встречи окажется благоприятным, то тогда товарищ Чечкин со товарищи пойдет на охоту и добудет мяса и для нас, и для местных. Если же нам будут не рады и встретят недружелюбно, мы просто пройдем мимо и разобьем лагерь в конечной точке намеченного на сегодня маршрута.

– Ну хорошо, товарищ Голованов, действуйте... – сказал комиссар, вытирая платком вспотевшую лысину.

Когда мы по одному спускались с холма по чуть извива-

ющеюся тропе, мужчины местного клана продолжали стоять неподвижно, держа копья вертикально, чуть на отлёте. Очевидно, на них подействовало то, что мы не бежали к ним с воинственным кличем, размахивая оружием, не строили угрожающих гримас и не творили всего того, что тут положено делать при неспровоцированном нападении.

При нашем приближении старик слез со своего камня и, опираясь на посох, поковылял туда, где стояли охотники. Когда мы приблизились, перейдя звенящий ручей по крупным камням, он вышел вперед и с вопросительной интонацией произнес несколько слов на неизвестном языке. В нашей команде только лейтенант Чечкин знал немецкий в объеме, преподанном ему во время учебы в школе-семилетке и военно-морском училище имени Фрунзе, все прочие в иностранных языках, как говорится, были ни в зуб ногой.

В ответ я показал пустые ладони и сказал, что мы пришли с миром, и от этих людей нам ничего не надо. Мы просто идем своим путем, не желая вступать в конфликты.

И тут произошло такое, что на какое-то время заставило всех нас потерять дар речи. Старик прищурился, глядя на меня, и его глаза наполнились блеском. Было видно, что его переполняет волнение; он подошел ко мне почти вплотную и жадно разглядывал. Его губы дрогнули, и он на вполне понятном русском языке с сильным акцентом сказал:

– О, так вы русские! – В этой фразе прозвучала такая отчетливая радость, что мы все буквально замерли.

А старик еще больше приблизился ко мне, и вдруг лицо его озарила улыбка.

– А я уже думал, что никогда больше не встречу своих земляков⁹... – продолжил он, и голос его дрожал от волнения. – Приветствую вас в этом суровом и ужасном мире, господа... – Он вздохнул и добавил: – Теперь вы тоже останетесь тут навсегда, так же, как и я...

– Кто вы, уважаемый, откуда, и как сюда попали? – спросил я, толкнув комиссара локтем в бок, чтобы тот не лез в разговор с неуместными замечаниями – потом разберемся, кто тут господин, а кто товарищ.

Старик бросил несколько слов местным, которые заметно расслабились, а потом, опять повернувшись в нашу сторону, сказал уже по-русски:

– Меня зовут Константин Монидис, я из Одессы, моряк, рыбак и коммерсант. Мама у меня русская, Татьяна Васильевна, в девичестве Вострикова, а отец – грек Антониос Монидис. Ходил туда-сюда из Одессы в Турцию мимо таможни. До этого таким промыслом занимался мой отец, а до него дед. В Турции в небольшом рыбацком селении на берегу Черного моря жили родственники отца, которые поставляли мне разный товар. Но однажды вечером в селение мо-

⁹ Дело в том, что погоны на Русском императорском флоте отменили не большевики, как в армии, а еще Временное правительство, перенявшее знаки различия британского «Роял Нэви». И так оставалось вплоть до сорок третьего года. Поэтому русскоязычный пропаданец из дореволюционных времен принял советских моряков за англичан.

их друзей, где я гостил с очередным визитом, неожиданно ворвались башибузуки. Они без предупреждений и объяснений принялись убивать всех встречаемых и поджигать дома. Дорога к шаланде была отрезана, но под покровом темноты мне удалось скрыться в холмах. Ведь я же не турецкоподданный, и не был обязан покорно подставлять свою шею под ятаган. Я думал, что сумею добраться до Константинополя, и, показав русскому консулу свой паспорт, рассказать, что случилось. Но когда настало утро, я обнаружил, что нахожусь в совсем дикой, незнакомой местности, откуда, куда ни иди, все равно никуда не придешь. Увы... – Он опять вздохнул и развел руками; лицо его сделалось печальным.

– Скажите, Константин Антонович, а когда это с вами произошло? – спросил я.

– Если я ничего не напутал в подсчетах, – сказал старик, – то это случилось целых двадцать пять лет назад...

– Нет, – покачал я головой, – вы меня неправильно поняли. Какое число было на календаре, когда на селение ваших родственников напали башибузуки?

– А! – воскликнул мой собеседник. – Извините, господин офицер, я вас действительно неправильно понял. Это случилось вечером двадцать девятого октября по юлианскому летоисчислению или одиннадцатого ноября по принятому во всем мире григорианскому календарю тысяча девятьсот четырнадцатого года. Это дата врезалась мне в память на всю жизнь. А почему вы об этом спрашиваете?

– Во-первых, Константин Антонович, – сказал я, – насколько нам уже известно, сюда попадают люди из разных времен, и когда разговариваешь с человеком, то надо понимать, откуда он свалился. Мы, например, прибыли из ноября тысяча девятьсот сорок первого года. Во-вторых, в указанный вами день Османская империя без объявления войны атаковала Севастополь и другие русские порты на побережье Черного моря, так что со своим русским паспортом дошли бы вы только до первого турецкого полицейского, а там или в контрразведку, или секир-башка прямо на месте.

– О! – воскликнул мой собеседник. – Значит, здесь я прожил вторую жизнь. Тогда при мне, кроме одежды, имелись русский паспорт, портмоне с золотыми червонцами, револьвер «бульдог» с полным барабаном без одного патрона, а также рыбацкий нож. Если паспорт, золотые монеты и даже револьвер ничем не могли помочь мне выжить, то нож оказался ценным имуществом, позволившим мне присоединиться к местным и завоевать среди них определенный авторитет. Сейчас я старейшина, уважаемый, умудренный жизнью человек, к советам которого прислушиваются, а несколько лет назад, пока в руках и ногах еще была сила, позволяющая водить людей на охоту, я даже был вождем. Тогда мы были значительно многочисленнее и, можно даже сказать, богаче, но сейчас наш клан переживает далеко не лучшие времена. Сегодняшняя охота тоже оказалась неудачной, и теперь нам придется лечь спать голодными.

Кстати, двое из тех недоумков, что стоят сейчас позади меня, увы, мои сыновья...

– А почему «увы»? – из-за моего плеча спросил неугомонный лейтенант Чечкин.

– Потому, молодой человек, – с некоторым раздражением ответил Константин Монидис, – что они оба полностью подпали под влияние других охотников и не желают слушать моих наставлений. Когда я состарился, меня стали терпеть только из-за ножа. Пока я жив, им можно пользоваться, а если я умру или меня изгонят, то священная вещь должна будет отправиться вслед за мной. Таковы местные верования.

– Ну хорошо, Константин Антонович, – кивнул я, – мы остановимся на ночевку тут поблизости, и сегодня сделаем так, что ваши люди голодными спать не лягут, а уж дальше вы как-нибудь сами, потому что у нас есть и другие дела, кроме как снабжать вас провиантом.

– Господин офицер, какие у вас могут быть дела в этом диком мире? – спросил мой собеседник. – Ведь тут просто некуда идти. Повсюду одна только безобразная дикость и люди, которые ничего не хотят менять в своей жизни.

– Во-первых, – сказал я ледяным тоном, – должен поставить вас в известность, что в тысяча девятьсот семнадцатом году в России случилась социалистическая революция, после чего господа закончились и остались одни товарищи. Впрочем, лично для вас и для людей вашего клана этот факт ничего не меняет, просто имейте его в виду. Во-вторых – нам

есть куда идти. В этом мире нашлись люди, которые смогли сломить нежелание местных менять существующие порядки и сумели организовать в этом диком месте свое государство, которое назвали Народной республикой Аквилония, что в переводе с латыни означает «страна северного ветра». Мы смогли связаться с руководством этой республики с помощью радио, и эти люди пригласили нас присоединиться к их обществу.

– Извините меня, госп... то есть, товарищ офицер, – ступшевался Монидис. – Простите, я не знаю вашего имени и звания...

– Капитан-лейтенант рабоче-крестьянского красного флота Голованов Николай Иванович, – отрекомендовался я, приложив ладонь к пилотке.

– Николай Иванович, простите за любопытство, а где расположена эта Аквилония, в которую вы так стремитесь? – спросил мой собеседник; похоже, сообщенная мной новость его весьма приободрила.

– Где-то на реке Гаронна в окрестностях французского города Бордо, – ответил я.

– Но так вы никуда не придете! – воскликнул Монидис. – Босфор и Дарданеллы непреодолимы по всей длине своего течения. Вы можете не надеяться, что вам удастся найти место, где вы сможете переправиться на другой берег. Нет, это совершенно исключено!

– А нам и не нужно никуда переправляться, – сказал я. –

Сейчас мы проводим разведку русла Босфора, чтобы понять, сможет ли пройти по нему наша подводная лодка, которая пока стоит на якоре у истока. Если результат этого похода будет положительным, то мы вернемся к своему кораблю и направим его в реку, а если нет, то сообщим о своем решении в Аквилонию и пойдем пешком до устья, а они, как только на Гаронне закончится ледоход, направят за нами корабль.

– Знаете что, Николай Иванович, – мой собеседник задумался, опираясь на посох, – я ведь в прошлом тоже моряк, хоть и не военный. Скажите, а какова осадка вашей подводной лодки?

– Три метра, а по-старому полторы сажени, – ответил я.

– Могу вас уверить, – сказал Монидис, – что на фарватере Босфора нет мест с глубинами менее трех сажений. И с Дарданеллами то же самое, хотя те места я знаю гораздо хуже. Таковы уж эти полноводные реки... хотя я не взялся бы сплавляться по ним на парусной или гребной лодке даже в свои лучшие времена. Есть несколько опасных мест на поворотах русла, где без хорошего хода вас просто вышвырнет на скалы и размажет...

– Мы видели такие места, – сказал я, – но надводный ход нашей «Малютки» – четырнадцать узлов при вполне приличной управляемости, так что думаю, что мы справимся.

– Я тоже на это надеюсь, – тяжело вздохнул мой собеседник, – и буду молиться за ваш успех. Николай Иванович... у меня к вам есть одна просьба, как у одного русского чело-

века, закинутого Божьей Волей на чужбину, к другому такому же человеку.

– Я слушаю вас, Константин Антонович, – ответил я.

– Я старый человек, – произнес он, – мне все равно скоро умирать. На сыновей этот мир наложил свою тяжелую лапу, и они у меня выросли полными балбесами, зато у меня есть дочь Ната – не только красавица, но и умница. Я немного учил ее всему, что знаю сам, в том числе и русскому языку, чтобы у меня была возможность с кем-нибудь перекинуться на нем хоть парой слов. Прошу вас, госп... товарищ капитан-лейтенант, возьмите ее и отвезите в эту самую Аквилонию. Боюсь, что, когда я умру, Нату просто прогонят из клана.

– Погодите, Константин Антонович, – оторопев, произнес я, – как прогонят?

– Тут есть такой обычай, – сказал мой собеседник, – что девушка, рожденная в клане, должна или выйти замуж в другой клан, или ее изгоняют на верную смерть, ибо в одиночку даже мужчина протянет на местной природе не более недели, а женщина и того меньше. Незамужняя бобылка для местных – это просто лишний рот безо всякой пользы. С замужеством у моей дочери не задалось: недавно ей стукнуло двадцать лет, а по местным меркам это уже почти старость. Хотя бы до сорока лет тут не доживает почти никто. Я со своими сединами – это величайшее исключение, и пока мою дочь терпят только потому, что она ухаживает за стариком, еще

нужным клану. А потом – с глаз долой, из сердца вон.

Я подумал и... согласился, решив, что, должно быть, дочка у товарища Монидиса получилась не особо кондиционной по внешним данным, раз уж ее никто не берет замуж.

И тут старейшина позвал: «Ната, Ната!», и от кучи местных баб отделилась довольно миловидная девица – светло-русая, синеглазая, ростом под метр восемьдесят, общим обликом напоминающая «девушку с веслом» из парка Горького. Широкими мужскими шагами она направилась в нашу сторону. Я-то ничего, на женский пол не падкий, а вот лейтенант Чечкин так и обомлел.

– А с чего это, гражданин Монидис, вашу дочку замуж никто не взял? – спросил он, не отводя взгляда от статной девахи. – Красавица же...

– Слишком высокая и умная, – вздохнул тот, – а ни в том, ни в другом смысле ни один местный мужчинка не захочет смотреть на свою половину снизу вверх.

– Ну хорошо, Константин Антонович, – сказал я, – обещаю вам, что с нами ваша дочь будет в полной безопасности, по крайней мере, по женской части. Все остальное зависит от неизбежных на море случайностей, над которыми мы не властны.

– Этого, Николай Иванович, вполне достаточно, – сказал Монидис и обратился к уже подошедшей к нам дочери: – Вот, Ната, знакомься: это люди из моего родного мира, где с момента моего исчезновения утекло много воды. Завтра

они пойдут дальше своим путем, и ты уйдешь вместе с ними, ибо такова моя отцовская воля. И не спорь. Я делаю это только ради твоей безопасности и будущего счастья.

Девушка сверкнула на нас синими глазищами, потом потушила их в землю и сказала: «Хорошо, Папа...», на чем вопрос был исчерпан. Потом я сказал лейтенанту Чечкину, чтобы он брал Давыдова и Тимченко и шел посмотреть, кого тут поблизости можно подстрелить на ужин – желательно крупное животное, которого хватит и нам, и местным. При этом старейшина Монидис послал с ними четырех охотников, в том числе и обоих сыновей, чтобы было кому тащить добычу. За ними же (я думаю, что только за Чечкиным) увязалась и Ната, пообещав быть переводчицей между двумя частями разнородного отряда.

Когда они ушли, Монидис отозвал меня в сторону от моих людей и тихо произнес:

– Николай Иванович, я должен рассказать вам еще одну вещь. Два дня назад на том берегу мы видели десять человек в такой же черной форме, как у вас. Именно поэтому наши охотнички при вашем появлении впали в такое оцепенение, ведь ни один смертный не в состоянии пересечь этот поток и остаться в живых. Скажите, это случайно не были ваши люди?

– Нет, Константин Антонович, – покачал я головой, – наших людей на том берегу быть никак не может.

– Тогда вы должны иметь этот факт в виду, – сказал ста-

рейшина. – Черт его знает, кто это может быть и какие у них намерения.

– Разумеется, мы будем иметь это в виду, – сказал я, подумав, что, кроме советских моряков, в черную форму могут быть одеты немцы, итальянцы и... белогвардейцы-корниловцы, ведь где-то тут, рядом, в двадцатых годах располагался Галлиполийский лагерь, в котором постепенно разлагались эвакуировавшиеся из Крыма остатки врангелевской армии.

Одиночный выстрел за холмами раздался в тот момент, когда мы уже разбили лагерь и разожгли костер (что было делом небыстрым). Видимо, охотники местного клана хорошо распугали дичь вокруг своей стоянки, и, чтобы взять настоящую добычу, пришлось уйти довольно далеко. Минут через сорок показались счастливые охотники. Местные, сгибаясь под тяжестью, волокли действительно крупную добычу; ноги животного были попарно привязаны к их массивным копьям, которые, казалось, даже гнутся под невыносимым весом. Да, это вам не баран в тридцать килограмм, тут вес будет, пожалуй, раз в десять больше... Давыдов и Тимченко с винтовками наизготовку шли по бокам от этой процессии, внимательно осматривая каждый свой сектор. Тут мало взять добычу, надо еще уберечь ее от желающих отнять и поделить в свою пользу. Позади всех, забросив винтовку на плечо, шагал лейтенант Чечкин, и рядом с ним шла Ната. Эти двое по пути перебрасывались взглядами и, кажется, непринужденно болтали. Девица двигалась довольно граци-

озно, при этом она поправляла волосы и то и дело сияла белозубой улыбкой. Было видно, что она кокетничает, повинуюсь какому-то природному инстинкту, одинаково действующему на всех женщин – что в двадцатом, что в Каменном веке. Чечкин старался соблюдать важный вид, но, околдованный чарами первобытной красоты, не мог сдержаться и время от времени безмятежно улыбался в сторону новой знакомой.

– О! – подковыляв ко мне, с некоторым удовлетворением сказал Монидис, кивнув в сторону процессии, – ваш молодой товарищ, кажется, имеет у моей дочери определенный успех. Своих предыдущих ухажеров на Собраниях, когда к ней еще проявляли интерес, Натка просто гоняла палкой. Тогда ей не подходил ни один, а тут, смотрите, какая идиллия! – Он улыбнулся. Затем, взглядевшись, добавил: – И, кстати, добыча стоила охоты, ведь вашим людям удалось подстрелить его королевское величество благородного оленя.

– Оленя? – переспросил я. – А где же его рога?

– Рога, Николай Иванович, олени сбросили еще месяц назад, – ответил мне знаток местной природы, – а самки и вообще по жизни безрогие. Впрочем, я скажу вам об этом более точно, когда охотники подойдут поближе.

В этот момент все прочее население стойбища завидело возвращающихся добытчиков и радостно заголосило. Сегодня, завтра, и еще, может быть, пару дней, пока мясо не про-

тухнет, они, благодаря соплеменникам старейшины, остановившимся тут на один день, не будут ложиться спать с пустыми желудками.

Подростки стрелой бросились в реденький лес на склоне холма собрать оставшийся там сушняк, а женщины, набросав на кострище хвороста, встав на колени и, задрав к небу тощие зады, принялись дуть на жар.

– Что они делают? – спросил я у Монидиса.

– А вы не знали? – вопросом на вопрос ответил тот. – Если костер горит на одном месте несколько дней подряд, накапливая под собой жар, то потом, чтобы разжечь его заново, не нужно никаких лишних усилий. Достаточно только палкой разбросать верхний слой золы, открывая жар, бросить туда пук сухой травы и хвороста и немного подуть, а если погода ветреная, то не надо даже этого. Думаю, что именно из этой основы возникла легенда о птице Феникс, воскресающей из пепла.

– Спасибо за совет, Константин Антонович, – сказал я, наблюдая за тем, как у местных женщин воскресает огонь. – Если мы остановимся где-то на несколько дней, то непременно так и сделаем, чтобы экономить спички, которые у нас не бесконечные.

Вечером мы сидели у костра, ели горячий шашлык из оленины, а у меня из ума не выходили неизвестные люди в черной форме, которых старейшина Монидис видел два дня назад на противоположном берегу Босфора. Кто они – вра-

ги или команда еще одной советской подводной лодки, бесследно пропавшей в Черном море? Возможно, их командир не стал подавать сигнала бедствия на международной волне, и теперь наши товарищи безуспешно ищут выход из того места, куда имеется только вход.

8 апреля 3-го года Миссии. Понедельник. Вечер. Азиатский берег реки Босфор, мыс Ускюдар.

Командир подводной лодки М-34 капитан-лейтенант Николай Иванович Голованов

Часов в девять утра, хорошенько позавтракав и попрощавшись с обитателями стойбища, мы двинулись в путь. Ната тоже собралась в дорогу как положено: сложила свои вещи в заплечный мешок из оленьей шкуры, безропотно продемонстрировав мне его содержимое. Запасной комплект одежды, штаны и парку я одобрил, мокасины и меховую безрукавку тоже, а вот каменные инструменты, тяжелые как кирпич, сказал оставить. Теперь они ей больше никогда не понадобятся.

Дополнительно перед началом похода пришлось провести с нашей новой спутницей небольшую воспитательную работу.

– Товарищ Ната, – сказал я, – пока ты с нами, я временно произвожу тебя в почетные мужчины. Это значит, что рот надо держать закрытым, глаза открытыми, и если вдруг увидишь что-нибудь необычное или опасное, то сразу доклады-

вать.

– Как я буду доложить, если рот закрыт? – непонимающе лупая синими глазами, спросила девица.

– Держать рот закрытым – это значит говорить только по делу и зря не болтать, – пояснил я. – Потом, на привале, наговоришься еще со своим мальчиком.

– Алек-сандр не мальчик, – старательно по слогам выговаривая слова, произнесла Ната. – Он мужчина, охотник.

– На охоте он мужчина, лейтенант Чечкин, – сказал я, – а с тобой – мальчик Александр. Понимаешь?

– Не понимаешь, – покачала головой девица. – Но я слушайся и говори Алек-сандр только на привал, а поход говори, если что-то видеть. Папá говори, что ты теперь мой главный вождь.

– Умница, – сказал я, – а теперь пошли.

И мы пошли. Третий день нашего похода, в плане пути, был проще двух предыдущих. Склоны холмов по левую руку от нас поднимались вверх довольно круто, но при этом полоска галечникового пляжа нигде не прерывалась. Несколько раз нам приходилось прыгать по камням, пересекая впадающие в Босфор полноводны ручьи – и вот он, предпоследний поворот русла, после которого прямой, как стрела, поток устремляется прямо к полуострову Византий, на котором, как говорил лейтенант Чечкин, когда-то и возник древний Константинополь. Но нам такие подробности в тот момент были безразличны. Главное было в том, что с этой пози-

ции можно было наблюдать русло Босфора вдоль до самого Византия, где река делает свой последний поворот, устремляясь к Мраморному морю.

Согласно имеющимся у меня картам, на этом участке Босфор, почти не меняя ширины русла, изрядно теряет в глубине, и его течение еще раз резко ускоряется. При этом посреди реки отчетливо видны пенные буруны над подходящей почти к самой поверхности продольной скалистой отмелью, также отмеченной на моей карте. Напарываясь на преграду, вода уже не журчит, не шумит, а ревет раненым носорогом, и именно этот звук слышал акустик Тимченко, когда мы подходили к истоку Босфора. Ширина канала с европейской стороны отмели – сто пятьдесят метров, с азиатской стороны канал шире – двести метров, скорость течения – около двадцати узлов. Нам надо как раз туда, в канал на азиатской стороне, потому что там не только фарватер шире, но и, если верить моей карте, глубины немного больше – а значит, основная масса воды идет именно с той стороны отмели.

Я решил, что пройти тем путем вполне возможно, только рулевому надо работать филигранно. Скорость подводной лодки сложится со скоростью потока, так что стоит малость замешкаться с перекладкой штурвала – и лодку с размаху выбросит на берег полуострова Византий. Впрочем, на место, где происходит последний поворот течения, еще надо будет глянуть вблизи с расположенного прямо напротив мыса Ускюдар, на котором у нас была намечена очередная стоян-

ка на ночевку. Объяснив нашим рулевым – старшине Круглякову, старшему краснофлотцу Алифанову и краснофлотцу Волошину – задачу так, как она виделась с этой точки, я распорядился двигаться дальше.

Мы шли вдоль берега, глядя на текущий по правую руку Босфор, и особенно внимательно – на противоположный берег, по которому, как мы знали, где-то бродят таинственные «люди в черном».

Все случилось, когда мы прошли пару километров, сразу за поворотом речного русла, где Босфор снова начинает течь прямо. На моей карте примерно в этом месте стояла отметка «Дворец Бейлербеев». Услышав пронзительный вскрик Натты, мы обернулись и поняли, что мирная прогулка закончилась безвозвратно... Нас окружило до десятка человек самого угрожающего вида, одетых в ладно пригнанную камуфлированную форму, в распахнутых воротах которой были видны полоски морских тельняшек. И самое главное, на их плечах имелись такие же камуфлированные под цвет униформы погоны русского образца. У одного две темно-зеленые звездочки обозначали звание подпоручика, у другого имелись лычки старшего унтера, остальные были ефрейторами и нижними чинами. Двое были вооружены ручными пулеметами, еще у одного имелась винтовка с оптическим прицелом, прочие держали в руках короткие ладные пистолеты-пулеметы. С немецкими машинен пистолями эти изделия роднил коробчатый магазин и пистолетная рукоять, с совет-

ским ППШ – темно-зеленый деревянный приклад. С короткого расстояния – оружие страшное, не оставляющее противнику шанса выжить.

– Стоять, не двигаться! – на чистом русском языке командовал подпоручик. – Оружие на землю! Медленно-медленно!

«Ну вот и все, – подумал я, вынимая из кобуры пистолет и аккуратно кладя его на землю, – кончилась наша разведка. Расслабились разявы... Но эти-то откуда взялись?»

То есть было понятно, что эти люди попали сюда тем же путем, что и мы, но ни на белых из галлиполийского лагеря, ни на солдат царской армии они не походили совершенно – ни по обмундированию, ни по манере держаться. Да и откуда хоть у тех, хоть у других пистолеты-пулеметы неизвестного нам образца?

Тем временем подпоручик осмотрел нас, таких красивых и растерянных, и сказал:

– Отлично, товарищи, а теперь поговорим...

Эти слова он произнес ровным голосом, без всяких признаков ненависти и издевки, что еще больше сбило меня с толку. И тут неожиданно возбужденный лейтенант Чечкин. Действительно мальчишка, что еще сказать...

– О чем вы хотите с нами говорить? – выкрикнул он. – Лучше расстреляйте нас сразу, мы вам все равно ничего не скажем!

– А зачем нам вас расстреливать, юноша? – с легкой

усмешкой сказал подпоручик. – Мы просто хотели с вами поговорить, но если бы этот разговор начался на равных, то какой-нибудь кретин с вашей стороны непременно схватился бы за оружие. Мои люди, знаете ли, и вооружены, и подготовлены к ведению агрессивных переговоров на свежем воздухе гораздо лучше, чем ваши моряки-краснофлотцы. Но нам такого было не надо. Глупо же будет, если русские станут убивать русских из простого непонимания. Позвольте представиться, товарищи: Акимов Алексей Николаевич, подпоручик морской пехоты корпуса его неимператорского высочества Великого князя-консорта Цусимского Александра Владимировича Новикова. Для меня это, собственно второй перенос: сначала – из две тысячи семнадцатого года в год тысяча девятьсот четвертый, на русско-японскую войну, а потом – из тысяча девятьсот седьмого года, с Константинопольской наступательной операции сюда...

Вот это слово «товарищи», сказанное обыденным тоном, заставило меня поверить и в две тысячи семнадцатый год и во все прочее. Царские офицеры этого слова вовсе не знали, а для беляков оно было наихудшим ругательством.

– ... в год за сорок тысяч лет до нашей эры, господин Акимов, – неожиданно для самого себя сказал я в продолжение его речи.

– О, как интересно! – сказал подпоручик Акимов. – Будем знать. Только вот должен сказать, что слово «господин» у нас в корпусе морской пехоты не в ходу: Александром Владими-

ровичем с самого начала заведено, что все мы – и офицеры, и унтера, и рядовые бойцы-морпехи – являемся товарищами по оружию. Вот так, товарищ...

– ... капитан-лейтенант Голованов, Николай Иванович, – добавил я, правильно поняв вопросительную интонацию в конце фразы моего собеседника.

– Ну что же, будем знакомы, Николай Иванович, – сказал подпоручик Акимов. – Только вот обстоятельства этого знакомства слегка напрягают. Ушли в ночной поиск в обход Ускудара в ночь с девятнадцатого на двадцатое августа тысяча девятьсот седьмого года, но сбились с пути и вышли уже здесь...

– Погодите, товарищ Акимов! – воскликнул Чечкин. – Я ничего не понимаю... Ведь Российская империя не воевала с Турцией в тысяча девятьсот седьмом году, война началась в четырнадцатом, и не было никогда никакой Константинопольской наступательной операции...

– Это в вашем мире не было, – твердо сказал Акимов, – а в нашем все это было, как и многое другое, о чем вы не имеете понятия. Но здесь, в диких временах, воевать нам уже не с кем, а надо думать, как выжить и не опуститься до уровня местных. Поэтому и мы, и вы, и те, другие, на том берегу, должны соединиться в одно целое, чтобы вместе противостоять этому миру. Ведь все мы русские, пусть даже происходящие из разных миров и времен, и должны поддерживать друг друга.

В голосе подпоручика звучала такая уверенность, что я сразу поверил его словам. Да и нельзя было допустить, чтобы мы ушли в Аквилонию, а другие товарищи остались здесь блуждать в холмах без связи и надежды. Не думаю, что товарищ Грубин и его соратники откажутся принять дополнительных поселенцев. Напротив, я уверен, что они очень не одобряют, если мы попытаемся утаить эту информацию от прочих наших соотечественников. Ведь команду нашей лодки они пригласили к себе сразу, как только мы бросили клич на аварийной волне. Если товарищ Грубин, перечисляя тех, кто уже присоединился к ним для совместной жизни, упомянул древнеримских легионеров, а также каких-то кельтов-думнониев и басков-аквитанов, то неужели они откажутся принять к себе русских, даже если они происходят из другого мира, отличающегося от нашего своей историей?

– Мы тоже не против объединения, товарищ Акимов, – ответил я. – Мы видим, что вы нам не враги, а одиночкам и даже малым группам тут не выжить...

– Опустите оружие, парни, это точно свои, – с облегчением произнес подпоручик Акимов и добавил в мой адрес: – Прошу извинить за некоторую грубость, товарищ капитан-лейтенант. Теперь ваши люди могут подобрать свои винтари и пистолеты. Мир?

– Мир! – ответил я, подбирая с земли свой пистолет и убирая его в кобуру.

– Николай Иванович, – сказал подпоручик Акимов, когда

мы снова вооружились и двинулись в путь вдоль берега своим прежним маршрутом, – а теперь ваша очередь рассказывать свою историю. Ведь о том, как мы дошли до жизни такой, я вам уже поведал.

Я и рассказал – начиная с атаки румынского эсминца на траверзе Констанцы и заканчивая тем, для чего мы идем в разведывательный поход по берегу Босфора. Мой рассказ, а особенно сведения о том, что в этом диком и пустом мире где-то существует созданное русскими людьми двадцать первого века государство Аквилония, собирающее под свое крыло не только русских и советских соотечественников, но и вообще всех выходцев из более цивилизованных времен, заставили товарища подпоручика призадуматься.

– Знаете что, Николай Иванович, – сказал он, – я со своим взводом, пожалуй, присоединюсь к вам в походе в эту Аквилонию. Теперь мы одна команда, и вы, товарищ капитан-лейтенант, среди нас самый старший по званию, поэтому прошу вас принять общее руководство объединенным отрядом.

– Так это, товарищ Акимов, еще не все ваши люди? – спросил я, оглядывая шагающих рядом до зубов вооруженных и донельзя суровых морских пехотинцев.

– Да, – подтвердил тот, – минимальная тактическая единица морской пехоты – это взвод, так, в полном составе, мы и попали в этот мир. Наш лагерь разбит на мысу – там, где в цивилизованные времена располагался пригород Стамбула Ускюдар, он же Скутари. Вашу команду наши часовые заме-

тили, когда вы стояли на берегу и что-то обсуждали. Когда мне об этом доложили, я взял первое отделение и выдвинулся вперед посмотреть на новых товарищей по несчастью.

– Понятно... – кивнул я и спросил: – Скажите, товарищ Акимов, те люди на противоположном берегу – они тоже из ваших или другие?

– В какой-то мере они из наших, – сказал подпоручик, – потому что тоже русские, как и мы с вами, а в какой-то мере они другие, потому что находящиеся там два взвода морской пехоты происходят из разных миров. Один взвод – из мира, похожего на наш, только в сентябре тысяча девятьсот восьмого года Российской империей там правит не наша императрица Ольга, а ее брат Михаил; при этом другой взвод советский, из января тысяча девятьсот сорок третьего года. И что характерно: в обоих этих мирах, как и у нас, тоже имели место наступательные Константинопольские операции. Сразу скажу, что в той истории, которую я учил у себя дома, в двадцать первом веке, в январе сорок третьего года Красная Армия сражалась под Сталинградом, а не штурмовала Константинополь. Да и потом за прочими делами у товарища Сталина до турок просто руки не дошли.

В ответ я только пожал плечами: мол, нам там и в самом деле пока не до турок, с немцами бы разобраться, – а потом спросил:

– Ну и как они там, товарищ Акимов, между собой не передрались? А то для наших товарищей погоны как у вас –

это все равно что красная тряпка для быка. По крайней мере, при первой встрече.

– Да нет, не передралась¹⁰, – ответил подпоручик. – Первоначально две этих команды просто держались по отдельности, но вчера вечером с того берега сообщили, что они тоже решили объединиться, потому что нашли между собой каких-то общих знакомых¹¹.

– Как они вам сообщили? – не понял я. – Ведь тут через Босфор до другого берега не докричишься, а радиостанции¹², насколько я понимаю, у вас нет.

– Обыкновенно сообщили, товарищ капитан-лейтенант, через флажки, – вместо подпоручика ответил старший унтер, похлопав рукой по чехлу на бедре. – Али мы не уже моряки?

¹⁰ Морские пехотинцы из мира «Рандеву с Варягом» в своей массе о Красной Армии понятия не имеют и относятся к ней без малейшей враждебности, а в глазах их коллег из мира «Крымского излома» погоны на плечах офицера и солдат реабилитированы реэмигрантской бригадой генерала Деникина, которая также воюет под Константинополем. Так что первая встреча прошла без эксцессов, а потом нашлись «общие знакомые».

¹¹ «Общие знакомые» – генерал Бережной и адмирал Ларионов, главные действующие лица четырехлинейного цикла «Ангелы в погонах». А вот подпоручику Акимову, который пришел из мира «Императрицы Ольги», эти фамилии не говорят ровным счетом ничего.

¹² Коротковолновая радиостанция «Примула», с дальностью действия до трехсот километров, имеется у советских десантников, но без второго абонента толку от нее нет. Не сумев связаться с командованием, радист закрыл свой «чемоданчик», и с тех пор больше его не открывал и на аварийную волну не выходил. Его этому не учили.

– У нас на подводном флоте флажками из-под воды не помахешь, – сказал я, и тут же неожиданно для себя самого спросил: – Товарищ Акимов, если не секрет, а вы тут уже сколько дней?

– Трое суток с хвостиком, – ответил подпоручик. – А что это имеет какое-нибудь значение?

– Имеет, – усмехнулся я, – мы в этом мире уже неделю, а потому это вы тут новые, а не мы...

– Ну, Николай Иванович, – хмыкнул мой собеседник, – в таком разрезе вы действительно правы: вы первые, а мы вторые, если не считать аквилонцев, которые, как следует из летоисчисления, обосновались здесь уже три года назад... Думаю, что, когда мы сможем вступить с противоположным берегом в прямой контакт лицом к лицу, командиры взводов из других миров тоже примут решение поступить под ваше командование, чтобы впоследствии присоединиться к аквилонцам.

Я немного подумал и высказал мысль, только что пришедшую в голову:

– Знаете что, товарищ Акимов... В то время, когда мы стояли на якоре у румынского берега, то довольно интенсивно обменивались с Аквилонией радиogramмами. Нам хотелось как можно лучше знать, куда мы идем и к кому, чем дышат люди, с которыми нам придется провести остаток жизни, и во что они верят. И они, ничего не скрывая, отвечали на все наши вопросы...

– Я понимаю ваш интерес и всемерно его одобряю, – произнес подпоручик. – Соваться в воду не зная броду – это занятие не для самых умных людей. А теперь скажите – неужели вам удалось выяснить у аквилонцев что-то особенное?

– Удалось, – кивнул я, – впрочем, они этого и не скрывали. Наши с вами случаи (там их называют «забросами») происходят не просто так, а потому что некие высшие силы решили поставить над местным человечеством острый социальный эксперимент, одновременно (в историческом масштабе, разумеется) выдернув его из дикости каменного века и подняв к вершинам развитого социализма. Но, помимо дружелюбно настроенных людей, которые должны пополнить их ряды, те же самые высшие силы забрасывают к аквилонцам отряды врагов, которых следует разгромить и уничтожить, а выживших пленных подвергнуть перевоспитанию. Председатель Верховного Совета Аквилонии товарищ Грубин считает, что неведомые экспериментаторы делают это для того, чтобы их общество не разжирело и не покрылось патиной самодовольства и самоуспокоенности, а всегда находилось в тонусе, чтобы выдержать пришедший извне внезапный удар или стойко перенести неожиданные трудности и лишения.

– Понятно, Николай Иванович, – кивнул подпоручик, – если нагрузки не выходят за предельными, то только так можно воспитать из массы обычных людей идеальное общество. Но к чему вы именно сейчас завели этот разговор?

– Когда мы вели с аквилонцами переговоры о присоединении к их государству, – внезапно охрипшим голосом произнес я, – то нам открыто заявили, что грядущее лето и осень будут для них временем тяжелых испытаний, к которым они сейчас всеми силами готовятся. Такая уж у них политика – с теми, кого они считают «своими», говорить только честно. До сих пор аквилонская армия состояла из пары сотен народных ополченцев и пяти сотен римских легионеров, обученных биться холодным оружием, но ее пополнение сводной кадровой ротой, имеющей боевой опыт жестоких войн двадцатого века, может говорить о том, что грядущие испытания многократно превысят все, что экспериментаторы обрушивали на Аквилонию прежде. Там говорят, что, если тебе под руку положили топор, то придется рубить, а если пулемет – то стрелять... Иначе, мол, еще не было ни разу.

Товарищ Акимов бросил на меня острый взгляд и сказал: – Морская пехота, товарищ капитан-лейтенант, никогда не уклоняется от боя, и либо побеждает, либо погибает, но не сдается. Думаю, что и русские морские пехотинцы из других миров придерживаются этой же заповеди. Присоединившись к Аквилонии, мы будем биться за нее так же яростно, как бились за Российскую империю и Советский Союз в своих мирах. Иного быть не может.

Дальнейший путь до лагеря морских пехотинцев на мысу Ускюдар мы проделали в полном молчании. Желания разговаривать просто не было. Если в начале наших приключений

в каменном веке я думал, что речь идет только спасении команды нашей подводной лодки от неизбежного в Каменном веке одичания, то теперь, после своих же собственных слов, я понял, что смысл нашего появления в этом мире и проче, и страшнее. Наша «Малютка» – это всего лишь средство для того, чтобы аквилонцы смогли обнаружить и присоединить к своему обществу этот отряд профессиональных солдат, по мнению неведомого экспериментатора, необходимый для резкого усиления способности Аквилонии отражать внешние угрозы. Нет, я был уверен, что никто из нас не будет брошен и забыт, что всем нам в Аквилонии найдется дело в соответствии с его наклонностями и способностями, но, увы, уже не как морякам-подводникам. Напротив, люди подпоручика Акимова и других, пока незнакомых мне взводных командиров, понадобятся аквилонцам в своем исходном профессиональном качестве для того, чтобы сунувшиеся к ним неприятности потом об этом жестоко пожалели. Ну что же, решил я, в нынешних условиях это дело не менее нужное и важное, чем топить в море немецкие и румынские танкеры с горючим.

Взводный полевой лагерь на мысу Ускюдар, обустроенный людьми товарища Акимова, по сравнению с нашими временными стоянками выглядел просто идеально: обложенное камнями кострище, навесы от дождя, обустроенные в тени коренастого дуба из срубленных топором жердей и прошлогоднего камыша, надувные прорезиненные матра-

сы оливкового цвета поверх подушки из можжевелевого лапника в качестве постелей. Когда я спросил у подпоручика, не опасается ли тот располагать свой лагерь под деревом, ведь в случае вполне вероятной тут грозы этот дуб станет магнитом для молний, мой собеседник ответил, что совсем рядом с «его» дубом, но на безопасном расстоянии, растет несколько высоких пирамидальных тополей, которые оттянут на себя удар небесного электричества.

Босфор тут сильно сужается, примерно до семисот метров, и представляет собой поток воды, стремительно несущийся к Мраморному морю со скоростью атакующего эсминца. Отсутствие бурунов говорило, что Константин Монидис меня не обманул, и порогов на Босфоре, даже в этом узком месте, действительно нет. После последнего поворота будет достаточно держаться точно по оси фарватера, а остальное доделает течение реки, которое само вынесет нас на глубину. Отсюда, если внимательно присмотреться в южном направлении, вдали уже была видна голубеющая морская гладь цели первого этапа нашего путешествия.

Полевые лагеря морских пехотинцев из двух других миров располагались на другом берегу реки, прямо напротив лагеря подчиненных подпоручика Акимова. И ведь не перепутаешь, кто есть кто. Бойцы и командиры советской морской пехоты были одеты в нашу черную форму, только вместо бескозырок и фуражек имели на головах такие же черные береты, а солдаты императора Михаила были обмундирова-

ны в камуфляж, только немного иного оттенка, чем у людей подпоручика Акимова. Было видно, что это два дружественных, но не смешивающихся подразделения. Несколько имперских солдат присутствовали в лагере советских морских пехотинцев, и наоборот. Однако, нет – хозяйство у них совместное... Не успели мы подойти к полевому лагерю, как из зарослей кустарника в устье реки, в которую превратился Золотой рог, вышла охотничья партия, таща на жерди тушу лесного оленя, при этом половина охотников была в черной, а половина в зеленой форме.

Впрочем, едва мы расположились, как подпоручик Акимов взял быка за рога и флажными сигналами сообщил противоположному берегу реки последние новости. Судя по возникшему у тамошних обитателей оживлению, эта информация вызвала у них значительный интерес. Двое – один в черном, один в зеленом (очевидно, командиры) – подошли к самому урезу воды и принялись смотреть на нас в бинокль, ну и я тоже не отказал себе в удовольствии полюбоваться на них в ответ. Оба, как и подпоручик Акимов, плотно сбитые и широкоплечие, крепко стоящие на широко расставленных ногах, только советский командир на полголовы ниже царского офицера.

Видимо, эти взаимные гляделки через реку удовлетворили обе стороны, потому что с противоположного берега общили, что они тоже согласны отправиться в поход, чтобы влиться в состав Аквилонии. Детальные планы решили стро-

ить после того, как нам удастся сплавить «Малютку» по течению и она сможет поработать паромом. Подпоручик Акимов решил назначить местом сбора европейский берег, и после некоторых размышлений я с ним согласился. С той стороны берег Мраморного моря не изрезан вдающимися в сушу заливами, а значит, пеший путь по нему будет в два раза короче, чем азиатским маршрутом. Три взвода, чтобы перевести их морем, «Малютка» просто не поднимет.

Точкой сбора предварительно назначили залив за мысом Инджебурун, где должна будет встать на якорь наша «Малютка», когда пересечет Мраморное море. Нам туда от устья Босфора идти восемь-девять часов ходу, а морская пехота к этому мысы своими ногами будет топтать по пересеченной местности как минимум две недели, а то и все двадцать дней. Кстати, пока они будут идти, мы успеем разведать Дарданеллы как минимум до сужений у Чанаккале, вызывающих у меня наибольшие опасения.

И тут подпоручик Акимов, достав свои карты, сказал, что иногда надо смотреть не только вглубь, но и вверх, а еще лучше – сразу сверху. Мол, десятью километрами южнее Чанаккале на европейском берегу есть гора Ачи Баба¹³. В двадцатом веке ее высота составляла двести четырнадцать метров, а сейчас вершина поднимается над уровнем моря на двести

¹³ В 1915 году во время Дарданелльской операции Антанты на вершине этой горы располагался командно-наблюдательный пункт, откуда турецкие и германские генералы руководили обороной пролива.

девяносто четыре метра, что дает радиус обзора в шестьдесят пять километров или тридцать пять морских миль. По крайней мере, обзор местности в вершины этой горы даст нам общее представление о дальнейшем направлении течения Дарданелл – и тогда можно будет принимать решение, каким путем мы пойдём дальше.

А вечером, после ужина, которым нас накормил гостеприимный хозяева, подпоручик Акимов подсел к нашему костерку, и у нас начался вечер вопросов и ответов. А вопросов у меня накопилось выше головы. Часть из них следовало задавать уже в Аквилонии, а на другие мог ответить и подпоручик Акимов.

– Скажите, товарищ Акимов, как так получилось, что вы, уроженец двадцать первого века, вдруг очутились в чужом нам мире, где в начале двадцатого века Россией правит императрица Ольга? – спросил я.

– Все не так, Николай Иванович, – ответил тот, – в начале русско-японской войны, на которую мы попали, правил Россией общеизвестный всем Николай Александрович Романов. Но слушайте все по порядку...

Слушая рассказ товарища Акимова, я поймал себя на мысли, что где-то я такое уже читал... потом вспомнил. Роман товарища Адамова «Тайна двух океанов». Все соответствует: надвигающаяся угроза большой войны, испытания новейшего оружия, замаскированные под флотские учения с дальним походом, режим полной секретно-

сти, неожиданно налетевший тропический тайфун, а в конце – удар молнии, превратившей маскировочную установку на каких-то там «новых физических принципах» в одноразовое устройство, проделавшее дыру в прошлое. Р-раз! – и отряд кораблей из две тысячи семнадцатого года оказывается в тысяча девятьсот четвертом, в тот момент, когда русско-японская война только началась и еще ничего не было предрешено. Наши товарищи в своем большинстве слушали этот рассказ затаив дыхание, и только комиссар Якимчук скептически кривил губы.

– Значит, вы, товарищ Акимов, решили, так сказать, положить жизнь за царя, веру и отечество? – спросил он.

– Не за царя, товарищ комиссар, – твердо ответил товарищ Акимов, – а за Родину, которая у нас одна, и неважно, кто в данный момент сидит на престоле: Петр Великий, императрица Екатерина, Николай Второй или Иосиф Сталин. Будь точкой нашего назначения сорок первый год, за Советский Союз мы сражались бы столь же яростно, как и за Российскую империю.

– А сейчас? – тихо спросил лейтенант Чечкин.

– Сейчас мы решили идти вместе с вами в Аквилонию, – ответил подпоручик. – Если она окажется здешней Россией, которая дана нам в ощущениях, то и за нее мы будем биться, не жалея ни своей, ни чужой жизни. Уж таково наше кредо.

– И все же, товарищ Акимов, – сказал я, – нам хотелось бы знать, как получилось, что Николай Второй уступил власть

своей сестре? В нашем прошлом этот суслик до самого конца держался за трон всеми четырьмя руками.

– После того как умерла императрица Александра Федоровна, – хмыкнул тот, – царь Николай отпустил вожжи и поплыл по течению, в то время как на Тихоокеанском фронте его младший брат и сестра уже подпали под влияние товарища Одинцова и моего командира майора Новикова. Но прежде чем сменить неуспешного монарха на успешного, требовалось выиграть войну с Японией, вынудив агрессора упасть на колени и каяться в своих прегрешениях. И я тому был очевидцем и непосредственным участником...

И он рассказал, как он и его товарищи прогибали под себя мир начала двадцатого века. До полусмерти излупив Японию и хорошенько дав в нос наглým британцам, они оборотились на Петербург, где царь Николай уже полностью созрел для передачи власти. И подавление мятежа в Финляндии тоже не вызвало у меня какого-либо внутреннего протеста. Сколько мы с этими белофиннами воевали – а товарищ Одинцов, записавшийся при молодой императрице в наставники и серые кардиналы, решил проблему финского буржуазного национализма сразу и на корню, с беспощадностью истинного большевика пустив в расход его лидеров.

– Как я понимаю со своего насеста взводного командира, – сказал подпоручик, заканчивая свой рассказ, – государыня Ольга, мой командир и товарищ Одинцов намерены проделать все то же, что проделали большевики после октяб-

ря семнадцатого, только без революции, полного разрушения государства, гражданской войны и прочих благоглупостей, стоивших Советскому Союзу больших жертв и замедления развития.

– Тогда это тоже была революция, только нового типа, – сказал я.

– Да, Николай Иванович, наверное, это действительно так, – согласился товарищ Акимов, – Все неприступные крепости берутся именно изнутри, и высший шик, когда защитники даже не понимают, как это произошло.

– Но все равно, – не унимался Якимчук, – все Романовы мазаны одним миром, и ваша императрица Ольга тоже явит миру свой звериный оскал, когда немного освоится на троне. И тогда и в том мире придет время для партии большевиков высоко поднять вверх красное знамя социалистической революции.

– Во-первых, товарищ комиссар, – с тихим угрожающим рыком произнес подпоручик, – если вы что-то подобное по-пробуете сказать кому-то из моих людей, то по-простонародному получите в рыло, и, может быть, даже не один раз. Эти простые оружные парни рабоче-крестьянского происхождения свою матушку-императрицу любят до безумия, и за хулу в ее адрес любого готовы порвать на лоскуты. Во-вторых, вождь партии большевиков товарищ Ленин уже три года не болтается по эмиграциям, а трудится в нашем правительстве министром труда и социального развития. Кто еще,

как не члены партии большевиков, способен обуздать жадность и наглость фабрикантов и заводчиков, выявлять и бичевать еще имеющиеся язвы общества? Каждый человек бывает незаменим, будучи применен на своем месте, и к товарищу Ленину это тоже относится. В-третьих, большевики тоже большевикам рознь, как и цари царям. Товарищ Хрущев с партийным погонялом «Клоун» там у вас пока что один из многих членов ЦК, а Ельцин и Горбачев еще и вовсе мальчишки в коротких штанишках. Их время настанет позже. Сначала товарищ Хрущев на двадцатом съезде, случившемся через три года после смерти товарища Сталина, обольет помоями покойного вождя советского народа, обвинив того в культе личности и ужасных репрессиях, и никто из членов ЦК и простых коммунистов не наберется храбрости ему возразить. Тем самым будет подорвана основа советского государства, ведь его основатель и бессменный на протяжении тридцати лет руководитель оказался настоящим преступником. А потом, еще тридцать лет спустя, когда уйдет в прошлое поколение, знавшее и Войну, и Победу, к власти придут те, что в ваше время были мальчишками, и в бессмысленной сваре за власть разорвут на куски ослабленную страну. Царю Николаю там, в нашем общем прошлом, для такого результата понадобились три года тяжелейшей империалистической войны, но выродившиеся до мышей потомки победителей добьются того же самого буквально на ровном месте. И раздувшаяся до двадцати миллионов членов партия боль-

шевиков не сможет и не захочет им в этом помешать. Вот так, товарищи... настоящим коммунистом надо быть, не жалея жизни сражаясь за свои идеи, и совершенно недостаточно казаться, произнося тр-рескучие р-революционные лозунги. Не так ли, товарищ капитан-лейтенант?

Вот это известие было посильнее переноса в Каменный век. Впрочем, товарищ Акимов ненависти к советской власти не высказывал, о товарище Сталине отзывался весьма уважительно, и лишь сожалел о том, что Советский Союз, построенный потом и кровью настоящих коммунистов, всю вторую половину своей истории находился во власти ничтожеств и интриганов, которые и довели его до гибели.

– Да, это так, товарищ Акимов, – после некоторого молчания сказал я, – казаться коммунистом совершенно недостаточно, а вот быть им для каждого честного человека обязательно. Но какие из этого факта следуют практические выводы?

– Практический вывод прост, – ответил подпоручик. – Нам следует звать в свои ряды всех, вне зависимости от происхождения и наличия партбилета, кто хочет лучшей жизни и счастья для всего человечества и готов биться за этот идеал. А тех, кто хочет сытой жизни и удобств только для себя, мы должны исторгнуть из себя прочь. Впрочем, в моем взводе таковых не имеется, ибо подобные люди не идут служить в морскую пехоту, а выбирают себе местечки и потеплее, и посытнее. Кстати, вот...

С этими словами товарищ Акимов расстегнул нагрудный карман и достал оттуда маленькую красную книжечку в непромокаемом целлофановом пакете с хитрой застежкой, которую передал мне. Я раскрыл и, не веря своим глазам прочитал: «Всероссийская социал-демократическая партия трудящихся (большевиков). Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Членский билет № 592. Выдан: тов. Акимову Алексею Николаевичу 12 декабря 1905 года партийной организацией корпуса морской пехоты». Знакомое всем факсимиле подписи товарище Ленина, и тут же – подпись секретаря парторганизации неизвестного мне тов. Малинина. Вот тебе, товарищ Голованов, и царский офицер-золотопогонник...

Показав эту книжечку из своих рук товарищам, а особенно комиссару Якимчуку, я вернул ее владельцу, и тот в полной тишине аккуратно, почти бережно, убрал ее на место.

Первым из нас заговорил старшина первой статьи Давыдов, тоже, как я и комиссар Якимчук, являющийся членом партии.

– Очень хорошо, товарищ Акимов, что вы тоже оказались большевиком, – не спеша, будто взвешивая каждое слово, сказал он. – Так нам с вами проще будет иметь дело. Правильно, товарищи?

Товарищи одобрительно загудели, а подпоручик сказал:

– Там, на том берегу, тоже есть наши товарищи-большевики. Среди советских бойцов наверняка, а среди морпехов царя Михаила – вполне возможно. В свете всего случивше-

гося надо понимать, что эта Аквилония пока для нас как кот в мешке. Если ее руководство тоже состоит из истинных большевиков, пусть даже у этих людей нет партбилетов, то мы должны будем сплотиться вокруг него железной стеной, а если нет, то вы сами понимаете, что тогда нужно делать. Но в любом случае мы, большевики, прежде должны объединиться между собой в одну организацию и выбрать ее руководителя. Ваш нынешний комиссар на эту роль не годится категорически. Я думаю, что он как раз из тех людей, которые, прорвавшись к власти после войны, без войны угробили и партию, и страну.

Комиссар Якимчук хотел было вскочить с места, но старшина Давыдов рявкнул: «Сидеть, товарищ Якимчук!», а старшина Дубов и краснофлотец Магелат подкрепили это указание силой, усадив комиссара на место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.